

МАГІЯ ФЕНТЕЗИ

Анна КЛИМЕНКО

ЛАБИРИНТ СУМЕРЕК

МАГІЯ ФЕНТЕЗИ

Квадрат мироздания

Анна Клименко
Лабиринт Сумерек

«Автор»

2008

Клименко А.

Лабиринт Сумерек / А. Клименко — «Автор», 2008 — (Квадрат мироздания)

Под небесами Эртинойса плетут интриги наделенные властью смертные... В собственной келье убит посвященный светоносного бога; могущественный Альбрус, один из правящих Хранителей Границы, поручает воину своего Ордена слежку за жрицей темного храма, а неприметный раб волею обстоятельств оказывается втянут в смертельно опасную игру. За что поплатился жизнью посвященный? Каковы истинные намерения Альбруса? Что на самом деле ищет темная жрица? Эристо-Вет, воин Ордена Хранителей, пытается получить ответы на эти вопросы. Но сможет ли она выбраться из бушующего водоворота лжи, на дне которого кроется истина?

Содержание

Пролог	5
Глава 1	10
Глава 2	19
Глава 3	29
Глава 4	42
Глава 5	50
Конец ознакомительного фрагмента.	60

Анна Клименко

Лабиринт Сумерек

Пролог

В году восьмисотом от сотворения Эртинойса, в час, когда вечерняя звезда одинокой слезой блеснула на восточном краю неба, в свободный город Альдохьен на крупном щере въехала путешественница.

Она была женщиной из народа ийлугов, высокая и крепкая телом, как и все дети Пресветлого Фэнтара. Да и не отличалась она ничем от сотен подобных ей, разъезжающих по дорогам Эртинойса – разве что длинные волосы, заплетенные в тугую косу, были приметного синего цвета.

В то время из города выходил торговец щеровыми шкурами. Он направлялся к границе Алхайма за товаром, незадолго до того вдрызг разругался с супругой и оттого был сердит на всех женщин под этими небесами. Сей прискорбный факт, однако, не помешал ему с интересом рассмотреть незнакомку, и он пришел к выводу, что девица приехала из Гвенимара – только там вошло в обычай расшивать бусинами шаровары, а на шнуровку безрукавки цеплять глупые кисточки.

– Ну и времечко настало, – буркнул торговец и с интересом взглянул на незатейливое ожерелье путешественницы. Уж очень зазывно поблескивал полированный агат из глубокого выреза. – Девки сходят с ума и отправляются шастать по дорогам. Что дальше-то будет?

Затем взгляд его мимоходом скользнул по крепкому бедру женщины, задержался на простых кожаных ножнах...

– Наемница, – сообразил торговец, – тьфу! Что за времечко...

После этого он занялся изучением щера и подсчетом выручки за такую красивую шкуру, словно расписанную тонкими черными полосами.

А чуть позже они разминулись. Ийлура въехала в город. Торговец, все еще оглядываясь и поминая недобрым словом тот день, когда взял соседскую дочку в жены, уныло побрел дальше.

...Минуя арку ворот, женщина ловко швырнула пошлину в большую медную кружку. Та ответила благодарным звоном и разбудила дремлющего на посту седого элеана, который вот уже десять лет не мог летать из-за сломанного в давнем бою крыла. Элеан спохватился, кряхтя поднялся, но только и успел, что крикнуть вдогонку:

– Эй, эй! А ну говори, зачем едешь в свободный Альдохьен?

Ийлура обернулась, блеснули в потемках зеленые кошачьи глаза.

– По личному делу, почтенный!

И, звонко рассмеявшись, хлестнула щера.

Элеан долго смотрел ей вслед, до тех пор, пока наездница не скрылась за поворотом.

– Много вас тут шастает, – буркнул он и передразнил: – По личному делу, да! Так я и поверил! Оторва...

Вернувшись на свое место, элеан сделал внушительный глоток из своей старенькой и верной фляжки. Прикрыл глаза, надеясь снова задремать, но сон не шел. Зато примчались незваными гостями воспоминания – о той, последней битве, где он вместе с крылом навсегда лишился надежды когда-нибудь взлететь и прикоснуться к жемчужным облакам.

...Синеволосую ийлуру звали Эристо-Вет. Или – Эристо, по старому гвенимарскому обычаю скрывать вторую часть имени.

Она въехала в свободный город Альдохьен, что отстроили не так давно на самой границе Диких земель. Первые поселенцы пришли сюда лет через пять после того, как вновь ожил Храм

Шейниры; торговать с верховным жрецом синхов было чрезвычайно выгодно, особенно если дело касалось рабов. Выросли как грибы храмы богов-покровителей, вокруг толкались боками дома – самые разные, и деревянные, и каменные, на сваях и уходящие глубоко под землю, насколько позволяла близость подпочвенных вод. Впрочем, было бы глупо удивляться этому разнообразию, ведь жили в Альдохьене и крылатые элеаны, и ийлуры, и кэльчу, и даже синхи.

Эристо проехала по достаточно широкой и непомерно грязной улице города, задержалась на минутку у лотка торговца вафлями – исключительно для того, чтобы спросить дорогу. Затем, в точности следуя полученным указаниям, свернула в проулок и пустила щера мелкой рысью, до тех пор, пока не уперлась в сложенное из бревен неуклюжее строение. Еще не успевшая поблекнуть вывеска сообщала, что местечко называется «У Отступника».

Ийлура усмехнулась, покачала головой. Да, все это было в Эртинойсе, и не так давно. Старый жрец Шейниры, сумевший силой веры заточить покровительницу синхов, и Избранный, судьбой которого была дорога к Темному Храму. Не в силах простого смертного бороться с богиней; Отступник был убит, а в Храме появился новый верховный жрец по имени Элхадж. С той поры многое изменилось в Эртинойсе, и Эристо-Вет не была уверена, что в лучшую сторону.

...Внутри таверны царили мир и согласие, что само по себе было редкостью для подобного заведения. Посетителей – раз-два и обчелся: коренастый кэльчу в углу за кружкой пива, два молодых элеана... Но не они были интересны ийлуру, она приехала в Альдохьен вовсе не ради этих случайных смертных, которых она вряд ли еще когда встретит. Взгляд Эристо-Вет заскользил дальше, по одинаковым, темным от вьевшейся грязи столешницам, по закопченным стенам, и остановился на занятой троице в дальнем углу трапезной.

Там, словно королева на троне, восседала молодая ийлура в щегольском платье из темно-синего бархата с белым кружевным воротником. Шелковый тюрбан составлял великолепную пару воротнику и был украшен булавкой с изумрудом – Эристо-Вет подумала, что от такого камешка не отказался бы ни один из ныне живущих владык. На тонких и бледных пальцах женщины вызывающе сверкали перстни. А сопровождали эту особу два крепыша в черненых латах и шлемах, закрывающих левую половину лица.

Эристо-Вет невольно завела руку за спину и быстро начертила в воздухе охранный знак бога-покровителя: она нашла тех, за кем ей надлежало присматривать. Темная ийлура из Храма Шейниры и сопровождающие ее храмовые стражи, несчастнейшие из смертных – ибо нет ничего страшнее, чем забыть себя и стать послушными куклами в руках Темной Матери всех синхов. Лица их были прикрыты оттого, что верховный жрец клеймил каждого стража знаком Шейниры, и печать эта, явившись из тьмы, не любила дневного света.

– Что будем заказывать, милочка? Не стой столбом, не то, клянусь всеми богами, я умру от старости, дожидаясь от тебя слова.

Ийлура вздрогнула, обернулась и в первое мгновение не увидела никого. Затем, сообразив, опустила взгляд: в двух шагах от нее нетерпеливо переминался с ноги на ногу старый кэльчу, коренастенький, плотный, как чурбачок, и воинственно топорщил белые костяные пластины – то, чем бог Хинкатапи заменил своим детям волосы.

– Только что изжарил щеров окорок, – заверил он Эристо-Вет, – не желаешь?

– Желаю, – она снова поглядела на темную жрицу.

Молодая, красивая. На вид – ни дать, ни взять, аристократка откуда-нибудь из Алхаима, одна из тех, что всю жизнь проводят сидя в высокой башне. Кожа такая белая, что светится в потемках, а в рассыпавшихся по плечам рыжих волосах прыгают кровавые искры – отблески огня в камине.

– Пить что будем? – было похоже на то, что хозяин заведения решил восполнить недостаток посетителей стоимостью заказа.

– Воду.

И Эристо-Вет, прошагав через весь зал, развязно плюхнулась за стол неподалеку от темных. Храмовые стражи покосились на нее, один даже схватился за меч – но рыжеволосая ийлура рассеянно положила пальчики ему на локоть, и воин сразу поник, съежился, даже стал казаться меньше.

«Интересно, зачем *темная* понадобилась Альбрусу?» – подумала Эристо-Вет. Пока не принесли заказ, она старалась делать вид, что разглядывает потолок. Но все же, волей-неволей, поглядывала на соседку. – «Следовать за ней, куда бы она не отправилась... Хотелось бы знать, зачем...»

Подавальщица, ийлура лет пятнадцати, с размаху грохнула об стол подносом, так, что содержимое его подпрыгнуло и жалобно звякнуло. Затем, видя, к кому приковано внимание Эристо-Вет, зло прошипела:

– С самого утра здесь сидят... Ничего не едят, не пьют... Не к добру, да хранит нас Пресветлый Фэнтар!

Темная ийлура вздрогнула и обернулась, уставилась неподвижным взглядом на девчонку, отчего та пискнула и умчалась на кухню. Глазищи у жрицы Шейниры были – упаси Фэнтар ночью приснятся – такие черные, что тонул во тьме вертикальный ийлурский зрачок.

Эристо-Вет посмотрела вслед убегающей девчонке и спокойно принялась за жаркое. Она нашла их, теперь оставалось только *присматривать*, как изволил выразиться метхе Альбрус. А что будет дальше – сие только богам ведомо, да еще великому Дракону.

Уплетая мясо, великолепно зажаренное и перед этим, скорее всего, вымоченное в кислом вине, ийлура терпеливо ждала. Побери Шейнира этих темных и убереги Фэнтар от козней Темной матери синхов... Мясо и вправду было приготовлено знатоком дела.

...В трапезную вошел посетитель – теперь уже в длинной рясе послушника из храма Фэнтара. Молодой, с жиденькими волосами, забранными в крысиный хвостик сзади и с бледным, неприметным лицом. Хотя – нет. Как раз-таки лицо можно было легко запомнить благодаря большой, словно фасолка, бородавке под правым глазом.

Ийлур быстро огляделся и, семена, поспешил напрямик к темной жрице. Эристо-Вет удивленно моргнула – вот это новости! Мальчишка из Храма Пресветлого – и к темной перебежнице? Воистину, здесь, в этой богами забытой таверне, происходило нечто весьма интересное!

Она отхлебнула из кружки, прикрыла глаза, всем своим видом показывая – мол, мне все равно, что здесь творится, и вообще, я даже не смотрю...

– Он не мог приехать, – скороговоркой выпалил послушник, – но просил передать тебе вот это.

Тонкие пальцы темной легли на пухлую книжечку.

– Благодарю. Надеюсь, ты будешь вознагражден по возвращении? В любом случае, да пребудет с тобой Мать всех синхов.

Эристо-Вет едва не поперхнулась водой. Похоже, этой жрице не было чуждо чувство юмора: послушник вздрогнул, коленки затряслись под рясой – как только в обморок не грохнулся от страха.

– С-спасибо, – заикаясь, он уже пятился, быстрее и быстрее, к выходу, не забывая осенять себя оберегающими знаками Пресветлого Фэнтара. Хлопнул дверью и исчез в прохладных сумерках осени. А жрица Шейниры, ухмыльнувшись, принялась разглядывать книжицу. Нетерпеливо открыла, полистала; пальцы ее бережно скользили по исписанным страницам, пальцы ийлуры, не привычной к обращению с оружием, но проводящей все свои дни и ночи за чтением.

– Пойди, принеси свечу, – негромко сказала она храмовому стражу, – ничего не вижу в этой берлоге.

Эристо-Вет снова принялась за мясо. Похоже, у Альбруса было чутье на любопытные истории... Темная ийлура и послушник из храма Фэнтар.

«И что же будет дальше?»

Она улыбнулась при виде стража, несущего громоздкую масляную лампу.

* * *

...Старик сидел под деревом.

Он только что проснулся и теперь, зябко кутаясь в обрывок мешковины, шурился на утреннюю зарю. По небу словно разлили густой малиновый сироп, в котором молочными хлопьями плавали облака. На западе в синей дымке тлела последняя звезда. А под небесами вздымались, топорщились и сталкивались друг с другом базальтовые глыбы, аспидно-черные. Такая же неживая, каменная и сводящая с ума чернота заменяла землю.

Старику было не привыкать. К тому же, ему позволялось иногда покидать свой дом, чтобы взглянуть на истинный Эртинойс. Но он был так немощен, что едва хватало сил добрести до выхода. Так что большей частью старик продолжал сидеть под деревом и, закрыв глаза, смотреть чужие сны; здесь, в тени Священного Древа, это давалось легко. Все равно, что протянуть руку и коснуться холодного ствола. Или обратиться с молитвой к богу Сумерек, Все-великому Санаулу.

Из-за лиловой кромки неба выкатился шарик солнца – раскрасневшийся после сна – и поплыл по сини, отмывая румянец и набираясь золотого сока. В расселинах Сумеречного Хребта собирался туман, сползал все ниже и ниже, оставляя влажные следы на камнях. Медленно, неохотно просыпались горы, и старик слышал эхо бьющихся сердец, и чувствовал отголоски жизни – как будто по лицу прыгали солнечные зайчики...

Он закрыл глаза.

«Ты слышишь меня, Сумеречный Отец? Знаю, что слышишь. Но молчишь. Ты ведь бог, и должен понимать, чего я хочу, ведь так? Ну так отчего же ты не даешь мне просимое? Ведь это так... просто для тебя. Дай мне силу – или дай уйти, покинуть и Сад, и Эртинойс. Я слишком стар и слаб. Все, на что меня хватает – это мелкие пакости вроде кошмарных снов. Да еще твои неудавшиеся дети по-прежнему послушны моей воле. И *тварь* придачу, но она тоже стара и слаба. Что я смогу сделать, когда сокровищу будет угрожать опасность?»

Молчишь. Что ж, я понимаю. Ты не можешь ничего изменить, кроме того, что позволено. Но ты хотя бы мог ответить мне, дать знак, что ты по-прежнему меня слышишь, и что я, как и раньше, твое возлюбленное дитя...»

По коричневым, изрезанным морщинами щекам потекли слезы, но старик не хотел – да и не мог их удержать.

Что еще остается, когда нет больше ни сил, ни бывшего могущества? Правильно, только печаль и унылое ожидание конца, которого, судя по всему, не будет до тех пор, пока плывет в холоной пустоте вечности сам Эртинойс.

Он потер кулаком глаза... Впору самому оборвать собственное жалкое существование, но – он не смел.

«Я ненавижу тебя, Отец. Неужели, даже зная это, ты ничего не скажешь?»

За спиной раздался тихий хруст, словно лопнула кожура переспелой дыни, в затылок повеяло холодком.

Старик не стал оборачиваться, он знал, *что* увидит.

«Враги могут прийти сюда. А ты, ты... по-прежнему хранишь молчание... Проклятие! Законы Эртинойса – это жалкая отговорка для того, кто всегда их презирал».

Он сидел под священным деревом и шурился на расстилающуюся покуда хватало взгляда черную долину. Над ней веселой синевой плескалось небо, и мохнатый клубок солнца перека-
тывался с боку на бок, забираясь все выше и выше.

«Но что ты будешь делать, Отец, если твой народ останется без сокровища?...»

Глава 1

Беглец

Лан-Ар, с трудом переводя дыхание, прислонился к стене. Мысли бестолково прыгали, металась под стенками черепа и сплетались в цветистый клубок – не разобрать, что где. Лан-Ар только стиснул зубы. Ему хотелось плакать от собственного бессилия изменить происшедшее, а затем пасть ниц перед настоятелем храма и молить о пощаде.

«Но я же ничего не сделал?» – ийлур не заметил, как произнес это вслух.

«Зачем же тогда убежал?!» – сдержанно поинтересовался воображаемый настоятель.

Лан-Ар зажмурился так крепко, что выступили слезы. Ой, какой дурак, иного и не скажешь! Зачем улизнул из Храма, когда надо было поспешить к Верховному и рассказать обо всем, что видел?

«Но уже поздно, поздно... Они точно думают, что это – моих рук дело! Потому что невиновные не бегут, это точно».

Ну, а теперь? По закону, когда раб убивает хозяина, его надлежит расчленивать заживо и сжечь, дабы другим было неповадно. Наверное, именно поэтому Лан-Ар, увидев обнаженное тело хозяина на полу кельи, испугался. Ему тогда показалось, что никто не поверит презренному рабу, и вся тяжесть вины сразу ляжет на него... Неслыханная глупость, рожденная страхом за собственную шкуру. А расплата за нее будет такой, что согласишься скорее спрятаться в шейнировом царстве тьмы, если только ты не полный дурак и не убежденный мученик.

Ийлур потер слезящиеся глаза. Перед мысленным взором все еще стояла картина, увиденная на рассвете. Хозяин требовал, чтобы каждый день ранним утром Лан-Ар приносил в келью свежий чай. Лан-Ар, который спал там же, на полу, отлучился за чашкой и чайником, задержался, чтобы натаскать воды. А когда вернулся, то...

Хозяин лежал на циновке посреди кельи. Совершенно голый, хотя за час до этого он был в рясе, как и положено посвященному. Голова ийлора была запрокинута назад, и как раз под подбородком – словно открылся второй рот. Аккуратный черный провал, весь в сгустках крови, и по циновке тоже расплылось темное вязкое пятно. В кулаке хозяин сжимал серебряную цепочку с брелоками, дешевое украшение, коими любят щеголять илюшки с дворцовой площади.

Черное, вязкое нечто тогда заполнило сознание Лан-Ара. Он стоял, беспомощно сжимая в руках поднос с чаем, и смотрел, смотрел... Мысли тонули в железной темноте, и он ничего не мог с собой поделать. Словно со стороны, увидел себя: в серой застиранной рясе, побледневшего, коротко остриженные волосы торчат во все стороны смоляными рожками, а пальцы мертвой хваткой впились в деревянные ручки подноса, будто это – спасение. И откуда-то всплыла мысль: настоятель Храма непременно решит, что раб убил своего хозяина. Воображение тотчас же подсунуло столь наглядное зрелище собственной казни, что Лан-Ар выронил поднос, на подгибающихся ногах выскользнул за дверь и, воспользовавшись утренним затишьем, никем незамеченный покинул храм Пресветлого Фэнтара.

«Что же теперь будет?»

Он приник пылающим лбом к прохладной каменной кладке, все еще надеясь привести мысли в порядок. Нужно было что-то предпринимать, но что? На шее – бронзовый ошейник раба, в спину дышит погоня, отряженная настоятелем. И он – совершенно один в Хатране, приграничном городе королевства Алхаим. Ни друзей, ни денег.

– Фэнтар, помоги мне, – прошептал по привычке ийлур, но тут же осекся. Зачем обращаться к богу, который не отвечает на твои молитвы? Ведь именно так и становятся храмовыми

рабами послушники; сам Лан-Ар тоже начинал свой путь послушником, но затем выяснилось, что отец-покровитель не слышит юнца, и вот итог.

Перед глазами все поплыло. Грязные стены, залитая помоями улочка, тощая кошка, расположившаяся на гнилом пне...

«Только не хватало грохнуться в обморок, точно девица на выданье», – Лан-Ар отлепился от спасительной стены.

Нужно было... что-то делать. Куда-то идти, чтобы храмовые ищейки потеряли след. Туда, где его не найдут, как бы ни искали...

«Зря я убежал», – в который раз подумал Лан-Ар, – «надо было пойти к настоятелю и все рассказать. Но теперь, теперь наверняка никто не поверит».

– Эй, ты! А ну с дороги!

Ийлур едва увернулся от тележки, груженной овощами. Торговец, молодой и оттого нахальный кэльчу, обернулся, презрительно плюнул себе под ноги.

– Иди, придурок, в храм – там тебе самое место!

Тележка, вызываяще поскрипывая, покатила дальше.

А на Лан-Ара, как ни странно, грубый окрик подействовал отрезвляюще. В голове начало проясняться, коленки перестали мерзко дрожать, и сердце забилося ровнее.

Он согнал кошку с пенька, уселся на него сам и задумался.

Поздно менять то, что уже сделано; теперь стоило подумать о том, как хотя бы остаться в живых и не попасть к храмовым мастерам дознания.

«А для этого мне надо убраться из города».

Лан-Ар прищурился на осеннее небо – ярко-синее, в позолоченной рамке древесных крон. Пушистое облако, казалось, повисло на шпигеле Храма Пресветлого Фэнтара, отца-покровителя всех ийлуров. На юг, в Дикие земли, тянулся едва видимый с земли клин гусей.

«Мне самая дорога туда, где Храм не имеет такой силы, как здесь», – заключил про себя ийлур.

Он потрогал ошейник – от него тоже нужно избавиться, и чем скорее, тем лучше. Но как? Самому не распилить, а в первой же кузне найдется доносчик, который помчится в Храм... Лан-Ар подтянул шнуровку на воротах, чтобы бронзовый обод не бросался в глаза, и хмуро потер гладко выбритый подбородок. Вот оно, то, что ему сейчас не спрятать под тряпками: свободные ийлуры носили бороды, причем бороды самые разные – и клинышком, и лопаткой, а северяне вообще предпочитали заплетать косички. Рабам предписывалось бороду сбирать, равно как и коротко стричь волосы. Надо признать, погибший хозяин Лан-Ара строго следовал этим правилам. Да и вообще, Посвященный проявлял заботу о своем невольнике – начиная с ежедневных тренировок, чтобы *тело* не забыло, как обращаться с оружием и заканчивая странным рисунком, нанесенным на кожу.

Ийлур тихо выругался и поднялся с пня. Тощая кошка тут же вновь заняла свое законное, как она считала, место, окинула Лан-Ара недобрый взглядом и принялась умываться.

Нужно было уходить из города. Но он вдруг представил себе, как – в лучшем случае – доберется до ворот, худой, бритый и коротко остриженный парень, да еще и в храмовой рясе, как его окликнут с одним-единственным вопросом: а куда, собственно, наострил снегоступы раб Пресветлого?.. Во рту вновь собралась горечь. Как в то мгновение, когда Лан-Ар осознал, что хозяин его убит, и в келье все вверх дном, словно что-то искали...

– Прекрати, – процедил он зло, пытаясь унять свою трясущуюся от страха половину. Другая, как ни странно, была полна холодной решимости вырваться. – Прекрати... В конце концов, ты еще на свободе.

И, не теряя более ни минуты, Лан-Ар накинул на голову капюшон, сложил благочестиво на груди руки и побрел по пустому переулку, делая вид, что просто идет по важному делу.

* * *

Боги Эртинойса, похоже, были вовсе не против того, чтобы Лан-Ар сбежал. Может быть, даже сам Фэнтар, отложив в сторону свой молот Света, проникся сочувствием к ничтожному рабу и одним мановением руки подбросил Лан-Ару веревку с вывешенным на просушку бельем. Ийлур не стал долго раздумывать; одного быстрого взгляда оказалось достаточно, чтобы понять – никто за добром не присматривает. Он быстро сдернул первые попавшиеся штаны, мятую и латанную рубаху, а затем, скомкав и зажав под мышкой добычу, двинулся дальше. По-прежнему изображая погруженного в собственные мысли служителя Храма. Позже, втиснувшись в вонючую щель между домами, Лан-Ар сбросил рясу и облачился в новую одежду; теперь получилось нечто, похожее на раба свободного землепашца. Именно раба, потому как даже самый распоследний нищий носил бороду и длинные волосы.

«Но так хотя бы я уже не похож на храмового невольника», – подумал ийлур. И на всякий случай вознес благодарную молитву Фэнтару, хоть еще ни разу бог ему и не отвечал.

Тем временем пустынный переулок влился в чуть более оживленную улицу. Здесь по-прежнему воняло помоями, платья женщин были слишком вызывающими, а мужчины сильно напоминали Лан-Ару оголодавших волков. Он ссутулился и, стараясь ни на кого не глядеть (упаси Фэнтар, еще будет расценено как оскорбление!), поспешил вперед. До городских ворот оставалось каких-нибудь пара часов блужданий по таким вот зловонным кварталам. Неприятно, конечно, даже для храмового раба, но соваться в более людные места Лан-Ар не хотел – потому что там обязательно будут снова храмовые ищейки.

...Ийлур не дошел до следующего проулка. Хозяева этих мест все-таки не удержались при виде беззащитного на вид прохожего и напали первыми. Хотя началось все довольно безобидно – дорогу преградил одноглазый верзила с длинной бородой неопределенного цвета и такими же сальными волосами.

– Монетки не будет?

Лан-Ар остановился перед ийлуром, развел руками.

– Ты же видишь, почтенный, что я – несчастный раб.

Краем глаза Лан-Ар уже заметил, что сбоку неторопливо заходит неряшливого вида элеан, а от угла покосившегося и вросшего в землю дома семенит кэльчу.

– Но хозяева могут отправить раба с поручением, снабдив монетой, – поучительно заметил одноглазый. – Выворачивай карманы, ублюдок, пока мы не развесили твои кишки по забору.

– У меня ничего нет, – упрямо пробубнил Лан-Ар.

И это было сущей правдой; жаль только, что ему не поверили.

...Сила жреца Пресветлого Фэнтара – в молитве. Чем могущественнее жрец, тем быстрее он может призвать на помощь Силу Битв, даруемую отцом всех ийлуров, и тем труднее одолеть его в бою.

Ходили слухи, что настоятелем Храма становится ийлур, который может призывать божественную силу одним движением мысли, даже не прибегая к словесным формулировкам. Но молитвы молитвами, а все послушники Храма начинают свой долгий путь служения с тяжелой учебы – ибо что может быть страшнее для врага, чем собственные силы и умения, преумноженные волей Бога?

К сожалению (и по недосмотру богов), бывает и так: рождается в Эртинойсе ийлур, начисто лишенный дара призывать силу своего отца-покровителя. Тогда бедняге не остается ничего, как рассчитывать только на себя, и порой даже случалось, что такой вот «неодаренный» одерживал победу над «одаренным», выигрывая как раз те мгновения, кои требовались счастливчику для молитвы.

Сила и умения Лан-Ара были преумножены отчаянием. А еще – сознанием того, что Пресветлый Фэнтар никогда не услышит его зов, и никогда не дарует столь вожаденную в Храме Силу Битв. Поэтому первым в грязь улегся одноглазый, вопя и хватаясь за сломанное запястье.

Лан-Ар повернулся к элеану: этот уже не был столь опасен. Призывать силу Битв могли только ийлур, элеаны же и кэльчу были отмечены иными божественными умениями.

Впрочем, элеан не спасовал; рванул из-за голенища внушительного вида нож, сделал первый выпад, от которого ийлур уклонился. Стараясь не упускать из виду кэльчу, у которого в руках откуда ни возьмись появилась тяжелая дубинка, Лан-Ар попытался развернуться так, чтобы в любой момент рвануть прочь со злочастной улочки; теперь оба противника были на виду. И не только они, ийлур прекрасно видел нестройный ряд покосившихся, подгнивших хижин. А из окна ближайшей скромно высунулся самострел; толстая стрела глядела прямо в грудь Лан-Ару.

Он резко присел, ощущая, как напряглись, почти разрываясь, сухожилия. Смерть пронеслась со свистом, пригладив волосы на макушке; из оконца донеслась забористая брань. И Лан-Ар, напоследок отвесив элеану зуботычину, побежал.

Слыша за спиной свист и улюлюканье, поскальзываясь поминутно в жидкой грязи, замешанной на помоях, ийлур втиснулся между двумя шаткими хижинами, проложил себе путь через горы мусора и, разорвав на плече рубаху, упал в громадную лужу уже на другой столь же омерзительной улочке. Подняв тучу брызг и обдав кого-то, судя по возмущенному воплю, зловонной водицей.

– Ну, ты, урод! Смотреть надо!

– Прошу прощения, – пробормотал Лан-Ар. Дурацкая привычка, привитая в Храме, и здесь совершенно неуместная. Хотя, учитывая, что обдал он грязью особу женского пола...

– Видала я твои прощения!

И пострадавшая, не чураясь пройти по щиколотку в помоях, отвесила Лан-Ару пинок под ребра.

От неожиданной, резкой боли перед глазами завертелись звездочки. Лан-Ар, хрипя, только и мог, что хватать ртом воздух. Он согнул ноги в коленях, оперся ладонями о мягкое, скользкое дно лужи, поднял голову...

– Что, мало? – поинтересовались сверху.

Ийлур увидел две пухлых коленки, затем – бережно подобранный подол платья, из дешевого, небеленого льна.

– погоди... – прохрипел он, – что ты...

Договорить ийлур не успел. На него вдруг что-то обрушилось, вышибая дыхание, и впечатывая в зловонную жижу. Он успел подумать – ха, вот так и расправляются с бывшими послушниками Храма, быстро, а главное – неожиданно.

Больше он ничего не видел и не чувствовал.

* * *

...Все было мокрым. Одежда, башмаки. Лан-Ар поморщился от острой, пульсирующей боли в затылке, мысли ворочались тяжело, словно мельничные жернова. Ийлур вспомнил, что поскользнулся и упал в лужу, затем в памяти всплыл образ пухлых, с аппетитными ямочками, женских коленок...

– Побери меня Шейнира, – он с ужасом представил себе, что так и валяется посреди улицы, выставив всем напоказ свой рабский ошейник. И это в то время как его ищут!

«А затылок-то что так болит? Неужели упал неудачно?»

Лан-Ар повернулся набок, втянул голову в плечи – может, хотя бы первый прохожий не заметит на шее начищенного до блеска обода, затем пощупал ноющий затылок... Пощупал *бы*. Потому что уже в следующее мгновение ийлур понял, что не может пошевелить ни рукой, ни ногой.

На него обрушился поток ледяной воды.

– Тимо-Тан, это шейнирово отродье очухался.

Голос показался на удивление знакомым. Лан-Ар крепко зажмурился, пытаясь прогнать плавающий вокруг туман, а когда вновь открыл глаза, то в потемках увидел все тот же подол из небеленого льна.

– Ну что, красавчик? Жив вроде?

Взгляд ийлура скользнул выше: не очень-то чистый передник, отороченный измявшимся кружевом, накидка, на шее сколотая дешевой брошью... На него с интересом взирала женщина из народа кэльчу. Костяные пластины воинственно торчали в разные стороны, так что голова была похожа на свернувшегося в колючий шар ежа, но при этом ее выпуклый лоб украшал обруч с огромным и наверняка фальшивым рубином.

– Дай-ка, я гляну, – вмешался низкий, мужской голос, и в поле зрения появился немолодой ийлур. Бородка клинышком, пегие волосы заплетены в две косы. А лицо – желтое, одутловатое, и чернота под глазами, и щека, покореженная рваными шрамами...

Сильные руки перевернули Лан-Ара на другой бок, деловито пощупали затылок.

– М-да. Хорошо я его приложил, – задумчиво попытожил Тимо-Тан, – следующий раз буду осторожнее.

И тут Лан-Ар наконец решил, что пора бы вмешаться в ход событий.

– Почему вы меня связали?

В ответ раздался громогласный хохот.

«Неужели прочитали надпись на ошейнике и хотят отвезти в Храм?!»

От этой мысли ийлур похолодел. Нет, он готов сделать все, что угодно – только чтобы не возвращаться... Потому что тогда – смерть, медленная и мучительная. Никто не будет слушать оправданий раба... Раб он и есть раб. Посвященных – не так уж и много, а вот рабов можно купить и из числа одаренных, и из числа забытых Фэнтаром ийлуrow.

Тимо-Тан, отсмеявшись, резко развернул Лан-Ара к себе лицом.

– Э, видишь ли, дружок, мы тут прочитали надпись на твоём ошейнике... – он сделал паузу, внимательно наблюдая за выражением лица пленника.

– Не надо, – быстро проговорил Лан-Ар, – только не в Храм!

– Вот дурачок, – вмешалась кэльчу, – да скажи ты ему, Тимо-Тан, не то еще помрет со страху, а мы...

– Пусть только попробует, я его из садов Фэнтара достану, – буркнул ийлур. Затем его темные, неопределенного цвета глазки умаслились. – Так вот, мы, видишь ли, с этой достойнейшей женщиной ведем дела торговые. А потому отвезем тебя в свободный город Альдохьен и там продадим какой-нибудь знатной госпоже.

Лан-Ар поперхнулся воздухом. Из огня да в полымя, как говорится; только что он трясся от мысли, что его вернут в Храм – теперь оказалось, что никто и не собирался возвращать беглеца. Его попросту собирались перепродать.

– И на твоём месте я бы радовалась, – подмигнула кэльчу, – готова руку дать на отсечение, что там, в Храме, за тебя бы принялись ваши заплечных дел мастера. Храмовые рабы просто так не шляют, да еще и переодевшись...

Он промолчал. Да и что тут можно было сказать? Отпустить все равно бы не отпустили, а помощница Тимо-Тана была права. Ну, и попасть в Альдохьен – тоже неплохо. А там боги подскажут, что делать дальше...

– Меня ищут, – сказал Лан-Ар, – наверняка у ворот ждут ищейки Храма. Как вы меня провезете?

Вместо ответа Тимо-Тан повертел у него перед носом половинками рабского ошейника.

– Теперь ты – не храмовый раб, приятель. Теперь ты – наш товар, на тебя уже и грамоту нужную нарисовали. Так что не трясись, до Альдохьена мы тебя довезем в целости и сохранности. А что ты сделал такого, что убежал из Храма?

Лан-Ар вздохнул. Снова перед глазами вставала скромная обстановка кельи, и хозяин – голый, с перерезанным горлом и с зажатым в руке дешевым браслетиком...

«А может, я его и убил, только боги заставили меня об этом забыть?» – ийлуур вздрогнул. Если и вправду так? Нет, нет, прочь, дурные мысли... В конце концов, только одержимые злыми духами способны на нечто подобное.

– Ничего я не сделал, – пробормотал он, не глядя в глаза любопытной кэльчу, – ничего...

– Невинные не бегут, – назидательно произнес Тимо-Тан. А затем, обернувшись к женщине, добавил, – Кельма, помоги мне. Надо этого красавчика в кандалы обрядить, чтобы далеко не убежал.

Ийлура ловко подняли, поставили на ноги. Туман перед глазами рассеялся окончательно, мысли прояснились – и Лан-Ар понял, что все это время он провалился на полу в кузнице.

* * *

Память – скверная штука. Если бы все смертные начинали новый день, не помня ни хорошего, ни плохого, просыпаясь на рассвете с ощущением пустоты, заполнившей «вчера» и чистого листа бумаги, означившего «сегодня» – жизнь была бы куда проще. Ни мыслей о давно ушедших днях, ни проживания заново и заново того, что хотелось бы забыть.

Лан-Ар плелся за шером, глядел на его короткий и широкий, словно лопатка, хвост. Отчего-то вспомнились Черные Пески и убитый хозяин. Казалось бы – и ничего плохого не произошло тогда, в пустыне, но память упорно, раз за разом возвращала его туда. Словно тайна хозяина была погребена среди аспидных курганов.

... – Иди-ка сюда, бездельник.

Хозяин, Посвященный Ин-Шатур, стоял на дне ямы глубиной в два ийлурских роста и был похож на тварь Шейниры, какими их любили изображать на фресках – черные волосы, черное лицо. Только глаза с вертикальным ийлурским зрачком казались двумя яркими кусками бирюзы, оставленными посреди пустыни.

Лан-Ар склонился над ямой.

– Кажется, я просил воды.

Ийлуур только прищурился на заходящее солнце – кровавый шар над черной долиной – и спешно поклонился.

– Прошлый раз, хозяин, когда ты просил воды, я ее принес. Но уже прошло пол-дня, ты наверняка запомнил.

Посвященный громко выругался, что было совсем не к лицу служителю Пресветлого.

– Ну так принеси еще!

Лан-Ар вздохнул и поспешил к бурдюкам с водой, по щиколотку увязая в крупном черном песке и мысленно умоляя Фэнтара вернуть рассудок хозяину, потому что если Ин-Шатур не образумится, оба они навсегда так и останутся в этой проклятой долине.

... Черные пески. Мертвая, страшная пустыня на южной окраине Эртинойса, где не растет ничего. Совсем – даже колючкам нужна вода; а тут ее нет, и никогда не бывает. Щеры окопели два дня назад, проводник сбежал и того раньше. Воды осталось ровно столько, чтобы кое-как добраться до предгорья Сумеречного хребта. А хозяин словно ополоумел, день за днем

копаясь в вырытой Лан-Аром яме, позабыв напрочь о том, что им еще возвращаться, и о том, что до Алхаима далеко.

Ийлур молча спустил в яму полупустой бурдюк, также молча наблюдал за тем, как хозяин жадно пьет, поминутно давясь и захлебываясь.

– Все, иди. От тебя все равно никакого толку. И воду не смей без нужды тратить, уразумел?

Конечно, уразумел... Лан-Ар вдруг испытал прилив злости; нет, даже больше – ненависти. Он ненавидел эту пустыню, черный песок, которым с ног до головы был затрушен посвященный Ин-Шатур, злое солнце, от которого трескалась кожа и все лицо покрылось мелкими белесыми пузырьками... Но больше всего, пожалуй, Лан-Ар ненавидел самого хозяина, который сподобился забрести в самое сердце Черных песков и, похоже, твердо вознамерился там же и отойти к Фэнтару. Да, вот так – даже не вылезая из своей ямы.

«Ну и шел бы сам!» – Лан-Ар в сердцах швырнул полупустой бурдюк к его давно опустевшему собрату, – «или тебе надо, чтобы и я здесь сдох?»

Глаза жгли злые слезы; и вместе с тем под сердцем, распирая грудь, ширилась и росла мерзкая, скользкая личинка обреченности, потому что Лан-Ар был не в силах ничего изменить.

Ничего? Как бы не так... Он бросил осторожный взгляд в сторону ямы; оттуда по-прежнему летел песок – хозяин продолжал вгрызаться вглубь, собираясь добраться до шейнирова подземного царства. А что, если?..

«Воды мне хватит», – подумал Лан-Ар, – «и до Сумеречного хребта я как-нибудь доберусь, а там...»

Он тут же одернул себя. Шейнира, не иначе как она навевала все эти гадкие, подлые мыслишки.

«Но если он и правда потерял разум? Почему я должен подышать вместе с ним?»

Ийлур закрыл на мгновение глаза, усилием воли выбросил из головы все то, о чем думал. Но отчего-то воображение продолжало рисовать Лан-Ару, как он подбирает оставшуюся воду и – уходит, неслышно, незаметно, оставляя хозяина одного среди бескрайней мертвой пустыни.

– Избави меня от темных мыслей, Отец, – пробормотал ийлур.

Затем взял бурдюк, вознамерившись хлебнуть теплой, пропахшей кожей воды. И тут же услышал возмущенный вопль хозяина.

– Я тебе сказал – воду береги!

Лан-Ар замер, так и не донеся до губ живительную влагу. Ненависть снова полыхнула, обжигая изнутри так же, как солнце обжигало снаружи.

«Да оставь меня в покое!» – едва не крикнул Лан-Ар, – «хочется тебе – подыхай, а меня оставь!»

Тем временем хозяин был уже рядом. Весь притрушенный песком и оттого похожий на порождение Шейниры. Но – улыбался. И, улыбаясь, отвесил Лан-Ару оплеуху.

– Собирай вещи, раб. Мы возвращаемся.

В руке Ин-Шатур нес потрескавшуюся глиняную табличку, испещренную отверстиями и желобками.

– Мы возвращаемся в Алхаим, – повторил Посвященный, – теперь дело за малым...

Солнце прилегло на черный хребет бархана, размазывая по песку хищные, красноватые лучи. Не тратя времени, быстро собрались, определили направление – и двинулись в путь. Хозяин тоненько хихикал, смотрел на небо сквозь найденную табличку и все бормотал про какой-то неведомый ключ. Лан-Ар тихо злился, шагая следом. Ему хотелось пить, но более всего хотелось просто заснуть где-нибудь в тени, чтобы восточный ветер навевал прохладу, напитанную водяной пылью...

«Надо было его бросить тут», – подумал ийлур, перебрасывая поклажу с одного плеча на другое, – «я был бы свободен... свободен...»

И вдруг... Странное чувство, что за ним наблюдают. Легкое покалывание между лопаток, словно кто-то беззастенчиво таращится в спину.

Лан-Ар чуть выждал, обернулся – никого. Только закатная пустыня, черные барханы. Скрип песчинок под подошвами сандалий.

«Здесь недолго и самому рассудка лишиться», – устало подумал ийлур и поспешил за хозяином, который налегке вышагивал впереди.

Но в самый последний миг, на самой границе зрения, ему померещилась фигура синха на одном из гребней.

«Черный синх на черном бархане! Фэнтар, убереги от дурных мыслей... Хотя – почему синх? На таком расстоянии это мог быть кто угодно».

... Лан-Ар плелся за бредущим впереди щером, позвякивая кандалами и стараясь не вступать в лепешки, которыми зеленая тварь отмечала свой путь. Кельма ехала в седле, Тимо-Тан вел щера на поводу.

– Ты когда-нибудь бывал в Альдохъене? – вдруг повернулась к нему кэльчу.

– Нет, никогда, – Лан-Ар покачал головой, – я побывал только в Черных песках, вместе с хозяином.

– Ха, твоего хозяина, должно быть, Шейнира попутала, – Кельма покрутила пальцем у виска, – тебе еще повезло, что вы оттуда ушли живыми.

Лан-Ар промолчал. Необязательно рабу поддерживать беседу с хозяйкой. Он покорно шел за щером, далеко позади остался Хатран, впереди, на горизонте, тусклой дымкой стелились Дикие земли.

– О чем думаешь, красавчик? – не унималась кэльчу, – небось, уже мечтаешь о новой хозяйке?

Ийлур вздрогнул, покачал головой.

Нет, он думает... На самом деле из головы не идет мысль о том, а не мог ли *он сам убить хозяина*? Ведь тогда, в пустыне – еще немного, и бросил бы на верную смерть.

Глупо все это. Наверное, не мог – все-таки ходил за чайником на кухню. Но память, это истинное проклятие богов для смертных, тут же подсовывала эпизод, читанный в одной книге. О том, что синхи могут изготовить такой отвар, который отшибает память и делает простого смертного послушным, как кукла.

«А вдруг и мне подмешали чего-нибудь?»

И снова, снова черная фигурка на гребне черного же бархана...

Лан-Ар поежился. Еще немного, и самому недолго свихнуться.

«Отец, избави от дурных мыслей...»

И он принялся бормотать тихонько молитву Фэнтару, Отцу всех ийлуrow, невзирая на то, что бог-покровитель никогда ему не отвечал.

Тем временем над головой сомкнули руки вековые дубы, преддверие Диких земель. Запахло сыростью, травяным соком и болотами; дорога стала чуть уже – и чуть хуже, вся в колдобинах, изрытая тележными колесами. До Альдохъена, наверное, осталось недолго...

– Что ты там шепчешь? – пискнула кэльчу.

– Отстань от него, Кельма, – мрачно пробасил Тимо-Тан, – не видишь, благочестивый ийлур возносит молитву.

– А вдруг он призывает Силу? – в голове женщины прозвучало сомнение.

– Если бы он мог призвать Силу, то не стал бы храмовым рабом, – заметил Тимо-Тан.

Ийлур вдруг икнул. Как-то странно, и сразу начал заваливаться набок, ухватившись за зеленую щерову шею. Кельма успела прыгнуть на землю, но тут же захрипела, хватаясь за грудь – из-под ключицы торчала арбалетная стрела. Лан-Ар не успел ни пригнуться, ни упасть ничком на землю; замер, тупо глядя на корчащуюся кэльчу, на ее вмиг посеревшее, искажив-

шееся до неузнаваемости лицо, на белые короткие пальцы, вцепившиеся мертвой хваткой в древко стрелы...

– Та-ак, что тут нам боги посылают?

Лан-Ар даже не попытался обратиться к Фэнтару, испрашивая силу Битв. Он просто обернулся и взглянул в лицо убийцы, ожидая третью стрелу себе в сердце.

Глава 2

Миссия для Эристо-Вет

Самая обычная альдохьенская гостиница.

Кровать, вторящая каждому движению спящего. Стол, всем своим видом напоминающий пьяного кэльчу – такой же низкий, коренастый и с кривыми ногами, расползающимися в разные стороны.

Небольшое окно было завешено тряпкой неопределенного цвета, хотя, пожалуй, оно и вовсе не нуждалось в занавеске: осевшей на дешевом стекле пыли с лихвой хватало, чтобы скрыть от нескромных глаз все, происходящее внутри.

Эристо-Вет прошла по комнате. Затем смахнула со стола таракана внушительных размеров (его жизнь тут же оборвалась под жесткой подошвой башмака), плотнее задернула шторы (они исторгли из себя облако серой пыли) и, убедившись еще раз, что дверь закрыта на щеколду, приступила к воплощению в жизнь своего плана.

Потому как надо было что-то предпринять. В конце концов, к чему торчать в Альдохьене, если больше ничего не происходит?

Темная жрица обосновалась в гостинице напротив и вот уже несколько дней выбиралась из своего номера – как поняла Эристо-Вет – исключительно на вечерние прогулки. В сопровождении дюжих телохранителей она неспешно доходила до каменного колодца в самом конце улицы, также неторопливо, с выражением задумчивости на аристократическом лице огибала его, а затем возвращалась в гостиницу.

«Так и скажу Альбрусу», – Эристо-Вет ухмыльнулась, – «ой, нет. Еще не все. Иногда она срывает листья с деревьев, рвет их на мелкие части и бросает на ветер. Не иначе, приносит бескровную жертву Шейнире».

Ийлура старательно вычерчивала на дощатом полу квадрат. День, ночь, вечерние и утренние сумерки; уравновешенная фигура, и на каждую вершину – по богу-покровителю, по народу из тех, что населяют Эртинойс с начала времен.

Вернее, с того самого момента, как боги собрались вместе и решили, что время, текущее сквозь мир – это слишком скучно.

Легенды гласили, что Шейнира всегда желала слыть самой могущественной; она слепила из глины первых синхов, оживила их тела и вложила каждому душу из своего ожерелья Проклятых душ. Разумеется, не просто так – после смерти все они должны были вернуться к своей Темной Матери, и пребывать в вечном плену до конца времен.

Затем встрепнулся Санаул, бог вечерних сумерек, бог провидения и прорицания. Существа, созданные им, были красивы; по образу и подобию своего отца они обладали крыльями и могли покорять небеса, летая быстрее ветра. Но бог элеанов решил, что этого мало, и даровал тем, чья молитва сильна, возможность взглянуть в алмаз, венчающий его божественное чело. Взглянуть – и увидеть прошлое, настоящее или даже грядущее. Элеаны называли драгоценность Оком Сумерек.

Третьими в Эртинойс вступили кэльчу, созданные Хинкатапи; говорили, что, если синхи были слеплены из глины, то первых кэльчу хитрый божок сотворил из горной породы. Потому получились они неказистые на вид, коренастые и предпочитающие свету дня мрак подземелий.

А последними в Эртинойсе появились ийлуры. Их светonosный отец, Фэнтар, долго говорил, что он – неповторим, и что не нуждается в том, чтобы доказывать прочим свою силу и власть. Но потом все-таки решился и создал ийлуров, которые были подобны истинному свету...

«И свет мог как дарить жизнь, так и отнимать», – мысленно процитировала Эристо-Вет, завершая квадрат мироздания, – «свет подобен обоюдоострому клинку, и должен разить тьму. Так было сказано Отцом, и записано Жрецами».

Она прищурилась, оглядела получившуюся фигуру, затем приложила ровную дощечку к каждой из сторон.

«А в центре квадрата царит Дракон Стерегающий Время, и в кольцах его бесконечного хвоста – Эртинойс. И пока Дракон спит, время не прерывает своего потока, и течет сквозь мир, и все идет своим чередом. Пока Дракон спит, ничто не угрожает существованию Эртинойса».

Ийлура удовлетворенно хмыкнула: квадрат получился идеальным. Для выполнения задуманного оставалось немного, и она, порывшись в дорожном мешке, поставила на пересечении диагоналей квадрата прозрачный зеленоватый кристалл.

История этого камня тоже была весьма занятной. Его привез метхе Альбрус из одного путешествия. Тогда еще Эристо-Вет не знала о том, что древние кэльчу соорудили тайные пути, по которым можно было во мгновение ока перенестись из одного края Эртинойса в другой, и удивлению ее не было предела, когда метхе, поставив на пол два кристалла, коснулся одного из них и исчез, чтобы в следующее мгновение оказаться стоящим рядом со вторым.

«Один портал пришлось разрушить», – вздохнул старый синх, расправляя на груди складки дорожной альсуanei, – «ну да Хинкатапи простит. Их осталось и без того достаточно, чтобы прыгать по всему Эртинойсу, да никто ими толком и не пользуется»...

Только много позже Эристо-Вет собственными глазами увидела древние порталы, и поняла, сколько пришлось молиться метхе Альбрусу всем четверем богам, чтобы заполучить в распоряжение Ордена столь ценную вещь.

– А теперь нам нужно обсудить мое пребывание здесь, – пробормотала ийлура.

Она еще раз внимательно оглядела комнату: окно завешено, дверь закрыта. Хотя... Мм... высадить тонкую дощатую дверь не составит труда даже изящному элеану, не говоря уже о первом попавшемся ийлуру.

Эристо-Вет тряхнула синей гривой волос. Нет, прочь сомнения и дурные мысли. Кому понадобится вламываться в комнату самой обычной наемницы?

«Разве что ийлуру, набравшемуся браги».

Но осторожность взяла свое: Эристо-Вет придвинула к двери кровать, подперла ее тяжелой лавкой. И только затем шагнула в квадрат и коснулась кристалла.

Перед глазами полыхнул призрачный огонь; пол дрогнул под ногами, а потом и вовсе исчез.

А в следующий миг Эристо-Вет оказалась в кабинете синха Альбруса, одного из правящих Хранителей Границы.

Из грязной гостиницы – в изысканные апартаменты, где всегда царит уютный полумрак, подмигивают огоньки свечей и каждый свободный уголок заставлен древними книгами и свитками. Ийлура глубоко вдохнула теплый воздух, где витал запах корицы, мельком глянула на ставшую такой привычной статуэтку Шейниры из черного дерева: выше пояса женщина народа синхов, ниже – змеиный хвост, сложенный кольцами.

Хозяин кабинета восседал за письменным столом, и его лица почти не было видно из-под глубокого капюшона. Только желтые глаза поблескивали парой новеньких монет.

Он нетерпеливо побарабанил когтями по столешнице.

– Приветствую тебя, Эристо-Вет.

Ийлура осторожно переступила начерченный на полу квадрат, внутри которого ярким фонариком горел зеленый кристалл, и поклонилась.

– Мое почтение, метхе Альбрус.

...Их всегда было четверо – синх, ийлур, элеан и кэльчу. Их могущество было велико, и каждому из них доставало одного движения мысли, чтобы призвать Дар того или иного бога-

покровителя. Но только синх брал учеников, и когда-то маленькой ийлура с синей шевелюрой очень повезло.

* * *

Они шли по осеннему саду, и шорох мраморной крошки под ногами вплетался в шелест падающих яблоневого листьев. Воздух был по-осеннему прозрачен, шепот деревьев навевал ощущение покоя и тихого, мимолетного счастья – к которому тут же примешивалась легкая горечь оттого, что невозможно для ийлура взлететь и раствориться в ранней осени, ощутить дыхание свежего ветра в вышине, а потом вернуться на землю, укрытую золотой вуалью опавших листьев...

– Осень в Гвенимаре куда лучше, чем в Диких землях, – метхе Альбрус словно читал ее мысли, – озеро Яма слишком хорошо подогревает их. А потому получилось вечное лето, ничего не поделаешь. Но синхам нравится.

Эристо-Вет молча покосилась на него. Даже не сказал «нам нравится», словно и не считал себя одним из детей Шейниры. А, быть может, он уже перестал принадлежать только своей богине: столетия служения всей четверке, охрана Границы, что пролегла между миром живых и миром теней... Здесь не обойтись одним покрывалом Смерти, что даровала Мать синхов своему народу, здесь приходится призывать всех сразу, чтобы сохранить тонкую грань между сущим и *тем, чего уже нет*.

Синх остановился, сорвал яблоко и протянул его Эристо-Вет.

– Рассказывай. Иначе зачем бы тебе возвращаться сюда?

Ийлура понюхала глянцевою кожицу, с наслаждением вдохнула живой аромат.

– Я не знаю, что мне делать дальше, метхе Альбрус. Та ийлура, за которой вы приказали следить, не делает ничего, что могло бы привлечь наше внимание. Она просто живет в Альдохьене, выходит каждый день на прогулку в сопровождении храмовых стражей. И все.

Желтые глаза старого синха хитро блеснули в тени капюшона.

– Ты делаешь ошибочные выводы, моя дорогая Эристо-Вет. Разве не ты мне докладывала, что к этой темной приходил послушник из храма Фэнтара? И разве не передавал он ей *нечто*?

– Это была маленькая книжка, – уточнила ийлура, – понятия не имею, что в ней...

– Прекрасно, пусть будет маленькая книжка, – прошелестел Альбрус. Говорил он на общем великолепно, но нет-нет, да проскальзывал легкий шипящий акцент, особенно когда метхе что-то волновало.

«И ему интересно, что могло быть в этой книжке», – заключила Эристо-Вет, но вслух ничего не сказала. Пусть Альбрус говорит сам, что ему нужно, и что делать дальше.

Долго ждать не пришлось. Метхе остановился у искореженной бурей яблони, сорвал желтый лист и энергично смял его в кулаке.

– Отчего бы тебе не пробраться в комнату этой почтенной ийлуры и не взглянуть на содержимое книги? Когда темная будет на прогулке?

Она пожала плечами.

– Как прикажете, метхе Альбрус. И затем доложить вам?

– Не обязательно, – тонкие губы синха растянулись в скупой улыбке, – ты будешь следовать за ней, куда бы она не отправилась. А затем, когда она найдет то, что ищет, тебе потребуются всего лишь поставить портал – и я смогу почтить вас своим присутствием...

– Не понимаю... – она отбросила назад синюю прядку, выбившуюся из косы, – почему бы вам не объяснить, метхе, *что в действительности происходит*? Возможно, тогда бы я действовала бы более решительно.

Капюшон Альбруса всколыхнулся, и Эристо-Вет на миг показалось, что глаза сверкнули раскаленными угольями.

– Почему бы нам не присесть? – иссушенная временем рука указала на скамью, – пожалуйста, тебе и вправду следует кое-что рассказать.

...Ийлура осторожно сгребла в сторону листья, которыми была усыпана скамья. Пусть и опавшие, они все равно казались ей живыми, и было жаль просто взять и стряхнуть их, словно мусор.

– Эта ийлура ищет сокровище, которое бы не помешало Хранителям, – сухо промолвил Альбрус, – Откуда я знаю об этом? Не забывай, дорогая, что я много часов в день провожу в медитации, а это, как тебе должно быть известно, едва ли не самый верный способ познания Сущего – потому что Санаул никогда не обманывает того, чьи молитвы сильны.

– Но отчего вы не обратились к Санаулу с вопросом, где находится сокровище, и сами не взяли его? – Эристо-Вет напустила на себя озабоченный вид, – почему желаете, чтобы другие нашли его вместо вас?

Синх развел руками и улыбнулся.

– Видишь ли, моя дражайшая Эристо-Вет... Санаул не пожелал показать мне место, где сокрыта драгоценность. И я пытался найти карту и ключ, но не успел. К сожалению, меня опередили... Да, откровенно говоря, не карта – главное. Главное то, что сам я не могу на длительное время покидать Орден, а на поиски требуется время.

Эристо-Вет улыбнулась, глядя на старого синха. Хитрая, хитрая ящерица. Проклятая душа из ожерелья Шейниры. И не изменить этого, хоть и прошло столько лет служения сразу всему квадрату мироздания...

«Значит ли это, многоуважаемый метхе, что ты разделаешься с теми, кто *может* добыть драгоценность?»

– Я все поняла, метхе Альбрус, – она поднялась со скамьи, – в следующий раз я постараюсь донести до вашего слуха то, что содержится в книжке. Быть может, ее стоит украсть и просто принести в Орден?

Метхе Альбрус покачал головой.

– Не стоит, Эристо-Вет. Они могут что-нибудь заподозрить... Делай то, что я говорю. Постарайся хотя бы узнать, что внутри.

Она поклонилась.

– Да, метхе.

На обратном пути никто не проронил ни слова. Возможно, Альбрус полагал, что и без того сказал достаточно, а Эристо-Вет размышляла над тем, что задумал почитаемый ею метхе. В голове назойливо вертелся один-единственный вопрос: что за сокровище ищет темная ийлура, и почему оно так важно для Хранителей Границы?

В полном молчании они пересекли внутренний двор – чистый, лоснящийся на солнце полированной плиткой, поднялись в кабинет метхе Альбруса. Там все также уютно золотились надписями корешки книг, и зловеще ухмылялась на полке Шейнира из черного дерева.

– Иди же, – вдруг нарушил молчание синх, – и помни, что ты моя ученица. Пусть эта миссия станет для тебя последней ступенью к наставничеству.

Эристо-Вет поклонилась, положив руку на сердце – знак высшей преданности – и шагнула к тускло светящемуся кристаллу. Перспектива бытия наставницей не шибко радовала; более того – наводила на мысль о том, что задание может оказаться нелегким. В конце концов, метхе никогда раньше не заговаривал с ней о повышении...

«Что же это за сокровище такое?» – успела подумать ийлура, прежде чем сияние портала закружило ее и, выдернув из кабинета Альбруса, перебросило обратно в захудалую гостиницу, – «ты готов многое отдать за него, метхе... Почему?»

Вопрос – и нет на него ответа.

«Пока нет», – ворчливо подумала Эристо. Уж она-то постарается докопаться до сути происходящего... Ну, а метхе – ему вовсе необязательно знать о том, какое недостойное хранителя любопытство проявляет его ученица.

Ноги коснулись грязного дощатого пола, сияние погасло. И в тот миг, когда ийлура обрела способность видеть, она поняла, что не одна в комнате. А дверь была по-прежнему закрыта на щеколду и перегорожена кроватью.

* * *

...Вдох.

Неведомый враг не двинулся с места. Очевидно, выжидает – и только его тень, расплывшаяся по всей комнате, едва вздрогнула, но то – игра света.

...Выдох.

Краем глаза Эристо-Вет увидела, как противник шевельнулся и подался вперед. К ней, то есть.

Выхватить из-за пояса кинжал-дагу было делом одного мгновения. Со следующим вдохом Эристо-Вет стальной пружиной оттолкнулась от пола, одновременно разворачиваясь в прыжке и занося для удара верное оружие... Уже почти ощущая, как клинок погружается в беззащитную плоть врага – а по-иному и быть не могло, только враг мог тайком пробраться в ее комнату и поджидать ее рядом с кристаллом – но не тут-то было. Кинжал с мерзким, продирающим до костей скрежетом прошелся по кольчуге и соскользнул. Все, что могла сделать Эристо-Вет – отскочить на пару шагов назад, готовясь к отражению выпада противника.

– Ты что делаешь? – совершенно спокойно спросил он, – здесь не так уж и темно, чтобы не узнать...

Эристо-Вет ощутила, как щекам стало горячо. Очень... Именно в таких случаях говорят – «готова со стыда провалиться сквозь землю».

– Побери меня Шейнира, – пробормотала она, – Дар-Теен!

И, уже нимало не заботясь о том, что кто-нибудь увидит снаружи тусклый зеленоватый свет кристалла, раздернула пыльные занавески на окне.

– Побери тебя Шейнира, – ийлур пожал широченными плечами, – пора на отдых, если ты кидаешься с оружием на ийлуров, даже не разглядев, кто это.

И тут же хитро подмигнул:

– Или я заслужил?

Эристо-Вет вбросила кинжал в ножны и шагнула навстречу старому, старому другу. Они давно не виделись, может быть, целый год, потому что Дар-Теену пришлось уехать на север. Там он, в соответствии с полученным заданием, наблюдал за состоянием Границы, а в свободное время – как сильно подозревала ийлура – предавался всяческому плотским радостям вроде поедания вяленой рыбы с пивом.

Эристо-Вет еще раз оглядела Дар-Теена и пришла к выводу, что он почти не изменился. Только волосы выгорели и стали совсем белыми, и бороду он больше не заплетал в две косички, как предписывалось этикетом владыки Северного Берега – предпочел лелеять совсем короткую бородку и усы.

Все прочее осталось таким, как раньше: яркие голубые глаза, в которых наивно светилось счастье, детская улыбка и милые ямочки на щеках, которые видно только тогда, когда Дар-Теен улыбается.

– Ты что, совсем не рада меня видеть? – улыбка медленно сползла с губ Дар-Теена. И его лицо сразу стало жестким, холодным и... чужим.

– Н-н... нет, рада, отчего же...

– Я думал, что тебе будет приятно меня повидать. Столько лет уже прошло.

– Не так уж и много.

«И сколько же? Сколько зим ты провела в гордом одиночестве после того, как вы расстались?»

Эристо-Вет тихонько вздохнула. Провалились все к Шейнире! Когда она, выполняя очередное задание метхе Альбруса, встретила Дар-Теена, то и в мыслях не было, чем может закончиться миссия. А завершилась она просто блестяще – в дорогой гостинице, в огромной кровати, убранной сверкающим гвенимарским шелком. Тогда Эристо-Вет казалось, что этот ийлур, переживший гибель возлюбленной и страшное предательство *почти-что-друга*, станет ее вечной и единственной любовью. Тогда... И дни полетели, будто сухие листья по осени. Им было хорошо вдвоем, и никто не думал о будущем. А потом наступили сумерки их любви, и Эристо-вет ничего не могла с этим поделать. Ибо что есть сумерки? Одни видят в них разбавленную светом тьму, другие – затушеванный чернотой свет. Эристо-Вет и Дар-Теен расстались.

...Она сделала глубокий вдох, затем шагнула вперед – но в следующий миг позабыла обо всем. И о метхе Альбрусе, и о миссии, и о таинственном Сокровище.

Задышавшись от внезапно набежавших слез Эристо-Вет, как девчонка, повисла на шее ийлура.

– Побери тебя Шейнира, – пробормотал ей на ухо ийлур, – если ты сейчас же от меня не отлипнешь, то я могу вообразить себе боги ведают что... Того, чего уже давно нет – и жаль, что нет!

Отпрянув, Эристо-Вет закрыла ему рот ладонью.

– Не надо. Ты обещал больше не вспоминать, что было – то прошло.

– Я все равно рад тебя видеть, *сестренка*.

И от этого на душе стало легко и радостно, словно вдруг разрешились все безответные вопросы.

– И я... мне приятно снова тебя встретить, Дар-Теен.

...Через час они сидели за столом и наперебой рассказывали друг другу, как прошел последний год. Эристо-Вет казалось, что вот так, болтая и глупо хихикая, она готова провести целую вечность. Горькие мысли ушли, давно ушли – остались только приятные воспоминания о былом.

– Как ты меня нашел? – она, не отрываясь, смотрела в яркие, как лазурит, ийлурские глаза.

Дар-Теен сдержанно улыбнулся.

– Милочка, ты что? Разве не ты научила меня обращаться к Санаулу, чтобы взглянуть в Око Сумерек? Я задал ему вопрос – он ответил.

– Жертва? – Эристо-Вет оттянула рукав Дар-Теена. Обращаясь к чужому покровителю, приходится приносить жертву и, как правило, жертву кровавую.

Ийлур поспешно вернул рукав на место, но она все-таки успела заметить свежие шрамы на венах.

– Зачем ты спрашиваешь? Сама знаешь... – помолчав, он вдруг спросил, – а что ты делаешь сейчас? Я слышал, метхе отправил тебя выполнять *очень секретную миссию*. Она и вправду так секретна?

И подмигнул.

– Ох. – своим вопросом Дар-Теен вернул ее под небо Эртинойса, – миссия-то секретная... Но, пожалуй, ничего не случится, если я тебе расскажу.

– Фэнтар создал женщину болтливой, – теперь с губ ийлура не сходила улыбка, – давай, излагай мне свое задание. Вдруг я чем-то могу помочь?

... И чем больше она говорила, тем серьезнее становился Дар-Теен. Темная ийлура, послушник из Храма Фэнтара, желание метхе Альбруса непременно заполучить то, что они разыскивают, и якобы нежелание Санаула открывать то место, где спрятан клад.

– Ну, это он так сказал, – добавила Эристо-Вет, – я не слишком верю метхе.

И тут же получила едкое замечание.

– Он же твой учитель?

– Учителя можно почитать, но до конца верить не следует. Особенно если учитель – синх. Шейнира не дремлет, кто знает, что за мысли крутятся в старой голове нашего метхе?

Дар-Теен замолчал. Долго смотрел на мутные осенние сумерки за пыльным окном, что-то обдумывая. Потом взглянул на Эристо-Вет – тревожно и печально, словно потерявшийся ребенок. Так он смотрел на нее, когда они расставались – ийлура ощутила под сердцем отголосок застарелой боли и поспешно отвела взгляд.

– Темная ийлура... Не нравится мне все это. Скажи, что ты намерена предпринять дальше?

Дальше... Эристо-Вет выдавила кислую улыбку.

* * *

Гостиница, где остановилась темная жрица со своими телохранителями, оказалась не в пример лучше той, где обосновалась Эристо-Вет. И просторнее, и чище, и светлее; правда, тараканов и отсюда прогнать не удалось – рыжие усы нагло шевелились из всех щелей, словно наблюдая за немногочисленными в этот час посетителями.

Ийлура задумчиво помешивала бульон, гоняя золотистые сухарики, и глядела в окно. Дар-Теен сидел напротив и маленькими глотками потягивал пиво из огромной кружки с беззаботным видом – ни дать, ни взять, наемник на отдыхе.

«Мне не хочется туда идти», – вдруг мелькнула мысль, – «не хочется... так, словно если я войду в комнату этой предавшей своего бога ийлуры, то что-то изменится в моей жизни, раз и навсегда. Но что?»

Она украдкой посмотрела на Дар-Теена – того, похоже, никакие предчувствия не мучили. Ну, или он очень умело это скрывал.

«Да брось ты», – Эристо-Вет выудила сухарик, размокший в жирном бульоне и отправила в рот, – «все дурные мысли – от Шейниры. Похоже, ей нравится нас пугать, и наслаждаться страхами и сомнениями смертных. Наверное, лучше думать о том, где может быть спрятана та книжка, в которой точно найдутся ответы хотя бы на часть моих вопросов».

За окном медленно проплыла темная ийлура в сопровождении двух храмовых стражей. Изящная кукла с фарфоровым, не знающим загара лицом и непроницаемо-черными глазами, в которых при всем желании ничего не прочтешь.

Дар-Теен перехватил взгляд Эристо, но оборачиваться не стал. Даже кружка в руке не дрогнула.

– Иди. Если она вернется раньше, я попытаюсь их задержать в коридоре.

– Только будь осторожен, – шепнула ийлура, – два храмовых стража и темная, наверняка умеющая призвать Покрывало Смерти...

– Но ведь ты знаешь, где я могу укрыться от них, – Дар-Теен подмигнул, – иди, не теряй попусту времени.

«Знаю ли я? Конечно, знаю... Только вот ненадежное это укрытие, и далеко не всегда получается в него попасть. И *ушедшие* не любят гостей».

Эристо-Вет совсем некстати вспомнила, как однажды едва не погибла от смертоносного покрывала Шейниры. А ведь тогда она была близка к Границе, чтобы шагнуть через нее и на время исчезнуть из мира живых, пропуская мимо саму смерть, но...

«Что же тогда пошло не так? И вдруг повторится, но теперь уже с Дар-Тееном?»

Ийлура поежилась. Нет, надо бы гнать прочь недобрые мысли...

– Будь осторожен, – шепотом повторила она и, едва коснувшись большой и теплой ладони ийлура, поднялась из-за стола.

– Постараюсь, – одними глазами улыбнулся Дар-Теен.

...Застывшие было мгновения полетели с устрашающей скоростью.

Раз – выйти из обеденного зала, свернуть в коридор, по обе стороны которого, словно куры на насесте, топорщились перьями отстающей краски одинаковые двери.

Два – пробежать до крайней, на которой мелом неуклюже намалевано число «10».

Три – орудуя отмычкой и оглядываясь – а не идет ли кто, открыть дверь и скользнуть внутрь.

...Как и можно было предположить, темная ийлура предпочитала полумрак. Шторы на окне – не пыльные тряпки, а именно добротные льняные шторы, оказались плотно задернутыми, ни единого лучика света не пробивалось внутрь. Посреди комнаты вальяжно располагалась огромная кровать под балдахином, в одном углу прислонился к стене старый комод с вычурными резными ножками, в другом нашли приют два соломенных тюфяка, на которых, скорее всего, спали храмовые стражи.

Эристо-Вет тихо выругалась, поминая Шейниру и тех, кто ей прислуживал. И где, спрашивается, искать маленькую, неприметную книжечку в кожаном переплете?

...Под подушкой.

Ийлура сунула руку под шелковую подушечку. Затем – под матрас в изголовье кровати. Под вторую подушку. Пошарила под одеялом.

... Или в комод? Но будет ли *темная* хранить что-либо ценное там, где его легче всего найти?

«Разве что только там есть потайные ящики».

Не тратя даром ни минуты, Эристо-Вет уже копалась в содержимом комода. Ароматические масла, осветляющая притирка для кожи, коробочка пудры, костяной гребень... Другой ящик оказался сплошь забит мешочками с сушеными травами, третий – какими-то свитками. И ни следа маленькой книжки!

Ийлура быстро утерла выступившие на лбу капельки пота. Так, думай, думай Эристо-Вет. Не зря ведь метхе Альбрус взял тебя в ученицы, и учил целых пять лет?

Она прислушалась – в коридоре тишина. Наверное, Дар-Теен уже занял свой пост на углу, чтобы, притворившись пьяным, задержать темную тройцу.

«Как правило, то, что мы не можем найти, будет лежать в самом приметном месте», – говаривал метхе Альбрус, – «смертные частенько не видят того, что у них под носом».

Эристо-Вет на всякий случай осмотрела тюфяки стражей, но там, кроме колоды карт и нескольких листов бумаги с изображениями полуодетых (или полураздетых) женщин, ничего не было.

Тогда она вернулась к кровати. Обошла ее, поворошила простыни – они кое-где оказались в липких пятнах еще свежей крови, словно ийлура зывала к Шейнире, принося ей в жертву собственные вены.

«А вдруг она носит книжку с собой?»

Эристо-Вет раздраженно передернула плечами. Что ж, все может быть...

Но уже в следующее мгновение ийлура мысленно обругала себя круглой дурой. Маленькая, аккуратная книжечка лежала прямо на полу; наверное, темная читала ее, лежа в постели, а потом просто положила рядом с кроватью.

«Интересно, они уже обогнули колодец?»

Ийлура снова прислушалась. За дверью было тихо, никаких признаков пьяной ссоры. Но надолго ли?

И Эристо-Вет, моля Фэнтара о лишних мгновениях, подошла к окну и открыла первую страницу.

От начала времен.

Отец элеанов, Санаул, бог вечерних сумерек, даровал своим детям возможность взглянуть в темный кристалл.

Но каждый взгляд, обращенный в него, стирал одну из граней.

И тогда Санаул, любящий детей своих, создал Вечный Сад, Сад Бога, и спрятал его в Лабиринте Сумерек...

За спиной скрипнула половица. Слишком громко. Нагло.

Словно кто-то не заботился о том, чтобы остаться незамеченным.

– Дар-Теен? – она удивленно обернулась. Ведь договаривались же, что он будет в коридоре, чтобы задержать...

У Эристо-Вет мигом пересохло во рту, и книжка полетела на перепачканные жертвенной кровью простыни – неведомо откуда появившись, притом, что дверь по-прежнему была закрыта, в двух шагах стояла тварь. И большими, как плошки, алыми глазами смотрела на ийлуру.

– Что еще за порождение Шейниры? – Эристо-Вет даже не осознала, что сказала это вслух.

А тварь, издав утробное рычание, двинулась вперед. Ийлура только и успела разглядеть в потемках мощные лапы, тело, похожее на кабанье, которому неведомый шутник приставил голову гривастого льва, грозы холмов кэльчу.

Но выучка брала свое. Эристо-Вет отскочила в сторону, рванула из ножен короткий меч.

– Ну, иди ко мне, котик.

«А откуда ты здесь взялся, поразмыслим потом. Неужели тебя здесь оставила *темная*?»

Котик рыкнул еще раз – и проворно, легко, словно кузнецик, прыгнул на ийлуру.

– Проклятье! – Эристо-Вет быстро ощупала глубокую царапину на предплечье. Это порождение шейнирова царства оказалось куда проворнее, чем могло показаться на первый взгляд. Большая, тяжелая туша на коротких лапах – но ловкая, стремительная...

«Как сама смерть».

Ийлура тут же подумала, что дурные мысли всегда находят отражение в сущем. Не хотелось идти в эту комнату – вот, пожалуйста. Неведомая гадина того и гляди заполучит ее на обед...

«И чему тебя учил метхе Альбрус?» – усмехнулась в ее душе другая Эристо-Вет, не знающая сомнений и испытывающая страх, пожалуй, только перед самой Шейнирой.

Еще несколько прыжков по всей комнате. Слепленное из тел разных животных чудовище оказалось на диво проворным и, что самое неприятное, слишком сообразительным. *Слишком*. Потому что с легкостью угадывало, какой трюк выкинет Эристо-Вет следующим.

«Мысли он, что ли, читает?»

Ледяной иголкой кольнул страх. А если так, то что?

Поврежденная рука начала неметь – плохо, ой, плохо... Эристо-Вет слышался шум в коридоре, и голос Дар-Теена... Нужно было уходить, уходить как можно скорее, но монстр припер к стене, и оставалось только размахивать мечом – от которого, между прочим, тварь ловко уворачивалась.

Словно читая мысли Эристо-Вет.

«Проклятье, проклятье!!!» – ийлура с отчаянием глянула на окно. Вот оно, единственно возможное спасение, но только как до него добраться? И она подумала о том, что если прыгнуть, *если повезет*, и она пролетит над тварью...

Чудовище вмиг поднялось на дыбы.

И Эристо показалось, что на зубастой морде играет отвратительная, наглая ухмылка – мол, а что ты *теперь* будешь делать, детка?

– Да пошел ты!.. – не выдержав, рывкнула ийлура. Сделала выпад, едва не выколов твари круглый глаз, – отправляйся к Шейнире, туда тебе дорога!!!

...Она не сразу увидела, как отворилась дверь.

И в комнате появилось новое действующее лицо. С белой, точно алебастр, кожей. В темно-синем платье с высоким воротником, в шелковом тюрбане с великолепным изумрудом.

Помедлив на пороге, темная жрица резко шагнула внутрь и захлопнула за собой дверь.

– Что, поberi меня Шейнира, здесь происходит?

Эристо-Вет так и не нашлась, что ответить.

А потом и думать стало некогда, ибо в точеных пальцах темной появился жертвенный нож. Брызнула кровь из рассеченного запястья, в лицодохнуло тленом и – вздыбилась мутная завеса, словно сотканная из невесомых частиц пепла.

Покрывало Шейниры. Тот самый божественный дар, которым наделяется с рождения каждый синх Эртинойса. – «Тьфу, от какого рождения? Да они же вылупляются из яиц, словно ящерицы...»

И сразу стало тихо, и время остановилось, застыв капелькой янтарной смолы.

– Прими в жертву эту ийлуру, Мать Всех Синхов, – донесся до Эристо-Вет мягкий шепот.

Сотканная из тьмы пелена покатиалась по комнате, пожирая на своем пути все живое.

Глава 3

Свободный город Альдохьен

...Лан-Ар обернулся и взглянул в лицо убийцы, ожидая третью стрелу себе в сердце. Он даже не успел удивиться тому, что смотреть в глаза своей смерти совсем не страшно. Просто стоял – и безмолвно ждал, и ни одной сколько-нибудь толковой мысли не появилось в голове, а на душе воцарилась странная, равнодушная пустота, как в пересохшем колодце.

Время с каждым вздохом медленно утекало, стеклянными каплями ссыпаясь в бездонную яму былого.

Лан-Ар смотрел на бук, увитый плющом с глянцевыми листьями. Ему отчего-то казалось, что именно оттуда должен показаться убийца – ну, или вылететь толстая арбалетная стрела... И ему не хотелось ни шевелиться – «К чему? Все равно настигнут» – ни молиться.

В этот миг шеру надоело стоять на месте. Он утробно рыкнул, резко подался вперед – словно чувял далекий пока что Альдохьен и сытные кормушки в щернях. Лан-Ара при этом развернуло с той легкостью, с какой ветер швыряет сухие листья; только мелькнули перед глазами сплетенные меж собой пальцы ветвей, а затем – ощущение влажной, остро пахнущей травы на щеке, и четкое осознание того, что если шеру вздумается рысать до самого города или, что еще хуже, до ближайшего дикого стада себе подобных, от него, Лан-Ара, останутся только клочья мяса, кое-как надетые на костяк...

– Провались я к Шейнире, – прозвучало откуда-то сверху, – мы сегодня убили двух зайцев. Даже трех!

Щер остановился. А Лан-Ар, лежа на животе, кое-как повернулся на голос, и первое, что он увидел, были блестящие носки щегольских сапожек. Дальше (или выше?) последовали сафьяновые голенища приятного мохового цвета, штаны из щеровой кожи, такая же безрукавка прямо на голое тело. И, наконец, лицо – вовсе не хмурого убийцы со взглядом, «подобным стальному клинку». На Лан-Ара с интересом взирала молоденькая ийлура, почти отроковица.

В память впечатались светлые, точно наледь в лунном свете глаза. Белые волосы истинной северянки были заплетены в тонкие косички и рассыпались по нешироким, но крепким плечам. На щеках, еще не утративших детской мягкости, дрожали милые ямочки.

– Тебя вели на продажу? – уточнило прекрасное дитя Фэнтара, задумчиво склоняя головку к плечу.

Лан-Ар поперхнулся воздухом. Глядя на спасение, явившееся в образе голубоглазой ийлуры, он отчего-то разволновался; ему стало неловко оттого, что перед этим небесным созданием он валяется на земле, закованный в кандалы, словно преступник, в грязных лохмотьях, едва прикрывающих тело... Он почувствовал, как кровь приливает к щекам, и от этого стало еще хуже, впору было зарыться в землю, чтобы никто не видел его таким жалким и беспомощным.

– Ты глухой? Или немой? Или слабоумный?... – она наклонилась к нему, косички с шелестом скользнули вниз, а Лан-Ар вдохнул свежий, почти резкий аромат благовоний, которыми пользовалась девушка.

– Я... – слова выползали тяжело, застревали в горле, словно маленькие колючие каштаны, – я...

– Тьфу, нашла у кого спрашивать, – ответили за него со стороны щера, – ты же видишь, что это раб. Тимо-Тан волок его на продажу.

И в поле зрения появилась вторая ийлура. Те же сапожки, абсолютно та же одежда, и лицо, и косички. Лан-Ару показалось, что в глазах двоится; он торопливо заморгал, но, само собой, ничего не изменилось. Теперь на него сверху вниз глядели близнецы.

– А он ничего, – после длительного молчания заявила первая и подмигнула сестре, – мне всегда нравились черные глаза. Знаешь, так занятно в них смотреть, кажется, что смотришь в колодец, полный теней из шейнирова царства.

– Я рада, что тебе нравится, – вторая присела на корточки, аккуратно убрала со лба Лан-Ара волосы. Эти девушки даже пользовались одними и теми же духами. – раз нравится тебе, значит, понравится еще кому-нибудь.

И, уже обращаясь к Лан-Ару, деловито добавила:

– Поднимайся, *раб*. До Альдохьена еще два дня пути.

Наваждение схлынуло прочь, как будто кто-то плеснул водой на только что завершенную картину. Свет вокруг двух прекрасных, словно посланницы самого Фэнтара созданий, померк – это были две самых обычных ийлуры, ну, разве что боги одарили их довольно сносной внешностью.

– Зачем я вам? Отпустите... – Лан-Ар попытался поймать за хвост ускользающую надежду.

– Еще чего, – фыркнули хором северянки, – мы тебя продадим в Альдохьене.

* * *

Он даже не запомнил их имен. Да и вообще, весь оставшийся путь походил на мутный, нехороший сон в душную летнюю ночь, когда гроза нависает над Эртинойсом, но еще ни единой капли дождя не упало на пересохшую землю. Лан-Ар словно погрузился с головой под воду; когда-то, в детстве, он едва не утонул в пруду, и помнил, как над головой сомкнулся зеленоватый холод с размытым кругом далекого солнца, а внизу была тьма, и ничто...

Мимо проплывали деревья, укутанные плющем, яркие кусочки неба, солнечные пятна на сочной траве. Потом лес закончился, они вошли в город; замелькали ийлуры, элеаны, кэльчу, пару раз даже встретились синхи в своих неизменных балахонах – до жути похожих на рясы послушников Храма Фэнтара. Лан-Ар видел странные жилища на сваях, и дома, похожие на норы в земле; Альдохьен был одним из тех редких городов, где смогли ужиться дети четырех богов Эртинойса – но все это промелькнуло и унеслось прочь, словно гонимая ветром сухая листва.

Потом... Зеленая муть разбилась сотней брызг. Лан-Ар глубоко вдохнул, все еще не веря в происходящее с ним, огляделся – и понял, что стоит на помосте, рядом с прочими рабами, выставленными на продажу, а вокруг суетятся покупатели.

Он покрутил головой в поисках сестричек; одна из них стояла чуть поодаль, рыская взглядом по разношерстной толпе альдохьенцев, другая куда-то испарилась – только арбалет и ее дорожный мешок остались у стены.

«А что, если...» – Лан-Ар передернул плечами и отвернулся.

В самом деле, куда он собрался? Оставленное без присмотра оружие ровным счетом ничего не значит, особенно когда можешь передвигаться только мелкими шажками, а железо стерло лодыжки в кровь.

Смотреть на покупателей тоже не хотелось, и он принялся разглядывать собственные запястья, и кисти рук, исчерканные темными дорожками сукровицы. Вынырнула мысль о том, что так можно и горячку крови подхватить, а там – прямая дорожка к Фэнтару.

«Ну и пусть», – Лан-Ар с обидой взглянул в светлое утреннее небо. На восходе оно было чистым, словно умытым, но на закате белело несколько перышек облаков. Наверное, где-то там и обитал Пресветлый Фэнтар, отец-покровитель всех ийлуров.

«Тогда я спрошу, отчего ты никогда не отвечал мне», – мрачно закончил Лан-Ар свою мысль.

И вдруг остро почувствовал меж лопаток чей-то пристальный взгляд.

Сердце екнуло – неужели его сейчас уведут с этого проклятого помоста, снимут кандалы, а там – до свободы рукой подать?

Ийлуру обернулся. И вздрогнул. Оказалось, особа, столь пристально его рассматривающая, умудрилась незаметно подняться на помост и подойти так близко, что при желании Лан-Ар мог бы дотронуться до ее роскошного темно-синего платья. А сестрички куда-то пропали, теперь уже обе, и Лан-Ар остался один на один с этой ийлурой.

Он смутился, не зная, куда девать скованные руки. Раньше бы непременно спрятал бы их в широких рукавах хламиды, но теперь цепи не давали даже развести их в стороны. А незнакомка молча стояла и разглядывала его, склоняла голову то к одному плечу, то к другому, словно принимая важное решение. Лан-Ар смутился окончательно: он вдруг представил себе, что эта холеная, богато одетая ийлура желает приобрести раба для развлечений. В самом деле, а для чего же еще? Когда он жил в Храме, ни одна ийлура не смотрела на него *так*... И, хоть и не давали рабы обетов безбрачия и вечного целомудрия, среди женщин, с коими Лан-Ару приходилось сталкиваться, не было таких красивых, как эта.

Он оторвал взгляд от собственных запястий и осторожно взглянул незнакомке в лицо. Да, он и в самом деле еще не видел никого прекраснее: молочно-белая кожа, к которой не липнет загар даже в преддверии Диких земель, роскошные волосы настолько густого и сочного рыжего цвета, что кажутся просто красными. А глаза – черные, такие же, как у самого Лан-Ара, полные влажной, манящей тьмы, и от этого кожа кажется еще белее, еще нежнее... И если прикоснуться губами к шее, рядом с ключицей... Наверняка это будет похоже на глоток прохладной и чистой воды в жаркий день...

Ийлуру вздрогнул и попятился. Чем только Шейнира не шутит! Он хотел было завести руку за спину, чтобы сотворить оберегающий знак Света, но, но... Звякнули кандалы, возвращая к действительности, а незнакомка улыбнулась одним краешком бледных губ.

«Неужели догадалась?»

Лан-Ара жег стыд. Проклятье, так стыдно ему даже не было в тот час, когда Настоятель объявил его Храмовым рабом! А тут – всего лишь женщина...

– Как тебя зовут? – вдруг спросила она, нетерпеливо отбрасывая упавшую на лоб прядь. Голос был довольно низким и ласкающим слух, словно мягчайший гвенимарский бархат – кожу.

Лан-Ар, с трудом ворочая языком, назвал себя.

– А где твои хозяева? – ийлура покрутила головой, скорчила недовольную гримаску, – хотелось бы мне их видеть.

Она поправила белоснежный воротник, и Лан-Ар подумал, что никогда прежде не видел рук столь совершенной формы. Только вот...

Запястье, перевязанное широкой черной лентой.

«Может быть, для нее не прошло время скорби по погибшему супругу?»

Взгляд ийлуры помимо его воли, остановился на шее незнакомки, скользнул по плавной линии плеча... И – снова – завораживающее, щекочущее нервы ощущение, словно он касается губами этой гладкой кожи, а потом одну за другой расстегивает маленькие застёжки платья.

Лан-Ар тряхнул головой и на всякий случай крепко зажмурился. Да что, проклятье Шейниры, с ним творится?! И, самое главное, где? На позорном помосте.

– А, вот, кажется, и твои хозяйки, – деловито заметила ийлура, – это ведь они?

Он взглянул на торопливо семенящих сестричек и кивнул.

Смутило лишь то, что две северянки, всегда бойкие на язык, как-то слишком быстро и тихо приняли деньги от рыжеволосой ийлуры, зачем-то непрерывно осеняя себя оберегающими знаками Фэнтара. Забрали аккуратную стопку золотых монеток, а затем поспешили убраться с глаз долой.

Ийлура вздохнула, провожая их взглядом. Внимательно посмотрела на Лан-Ара.

– Следуй за мной.

И двинулась к ступеням, ведущим с помоста. Лан-Ар плелся за ней, боясь нечаянно наступить на подол ее платья.

«Она снимет с меня кандалы», – размышлял он, – «и тогда... тогда я убегу».

Тяжелые локоны колыхались в такт ее шагам, приоткрывая кусочек белоснежного плеча. Блеснула толстая серебряная цепочка, которой он не заметил раньше. Лан-Ара охватила непонятная тоска. Предчувствие?..

Тем временем ийлура ловко спустилась на землю, пнула носком туфельки подвернувшийся под ногу камешек и сказала:

– Вот еще один. Забирайте всех, и отправляемся. До алтаря далеко, а нам нужно успеть до заката.

Ее ждали. Два огромных, плечистых воина-ийлура, в черных доспехах и в шлемах, закрывающих левую половину лица. Начиная свой путь послушником Храма, Лан-Ар прекрасно понял, что все это значило; ноги приросли к земле.

Проклятые шутки богов!

Все сразу стало на свои места, как последние кусочки мозаики: и перевязанная рука, и странно-молчаливые сестрички, и знаки, оберегающие от сил тьмы, коими они себя непрерывно осеняли.

Его продали ийлуре, отринувшей Фэнтара и обратившейся к Шейнире.

А она, судя по всему, намеревалась принести своей темной богине обильную жертву.

* * *

... – Теперь я знаю точно, что ты покинул меня. Вернее, ты никогда и не обращал на меня свой божественный взор, и не склонял слуха своего к моим молитвам. Так зачем и кому нужен такой Бог, как ты?

Лан-Ар замолчал. Ему казалось, что после *таких* слов оскорбленный Фэнтар непременно ответит. Или поразит наглеца молнией. Но ничего не произошло – только горестные всхлипывания в углу стали громче. Лан-Ар раздраженно передернул плечами и отвернулся; ему совсем не хотелось смотреть на то, как плакала, скорчившись, молоденькая элеана. Это было бы – по разумению ийлуров – похоже на подглядывание в замочную скважину за раздевающейся послушницей, а сам он никогда этого не делал. Слишком грязное и постыдное занятие.

Фэнтар безмолвствовал. И ему было наплевать на дитя свое, подготовленное для жертвоприношения Претемной Матери Всех Синхов.

Лан-Ар покосился на замершего у стены молодого кэльчу. В потемках было не разобрать, но тот уж точно не рыдал. Уселся скрестив короткие ноги и опираясь спиной на глинобитную стену сарая, положил руки на колени. Наверное, молился своему хитроумному божку, Хинкатапи. Но что мог сделать обладатель Бездонного Кошелька? Ничего... Покровители никогда не вмешивались в дела Эртинойсы. Только давали божественную Силу тому, кто просил – или же притворялись глухими.

Ийлур прикрыл глаза. Мгновения текли, сливаясь в часы. И он совершенно не знал, сколько еще осталось. Темная ийлура, купившая трех смертных для жертвоприношения, удалась готовиться к ритуалу, а их заперли в темном и вонючем сарае.

Этот сарай был выстроен рядом с треугольной призмой из узорчатого малахита, алтаря Шейниры, а сам алтарь вот уже боги ведают сколько лет стоял на лысой и плоской вершине маленького холмика. Место было приметным: издалека виднелось огромное высохшее дерево, белое, словно старая кость, протянувшее скрюченные руки-ветви в немой мольбе к солнцу, и обряженное в тогу из вечно зеленого плюща с глянцевыми листочками.

«Сколько же здесь было принесено жертв?» – подумал Лан-Ар, глядя на темный алтарь. А затем посмотрел на рыжеволосую ийлуру. – «И что такого случилось с тобой, что ты предала нашего отца и обратилась к мерзкой матери этих полуящериц?»

Она поймала его взгляд, снова улыбнулась одним уголком красивого рта. Грустно улыбнулась, понимая. Словно хотела сказать:

«Да, я знаю, что поступаю дурно. Я знаю, что после смерти участь моя будет ужасна. И мне жаль вас – но я уже не могу повернуть назад, и не могу отказаться от той крови, что высохла на моих руках».

Казалось, что ее молочно-белая кожа источает мягкое сияние в тени.

«И ты режешь вены, чтобы этой жертвой купить смертоносный дар Шейниры».

Его взгляд зацепился за черную ленту, которой было перевязано тонкое запястье. Темная неловким движением поспешила натянуть рукав до самых кончиков пальцев.

И тут Лан-Ар с ужасом поймал себя на том, что начинает чувствовать едва ли не жалость к этой божественно красивой женщине. Жалость совершенно ненужную и неуместную, особенно принимая во внимание *что* эта ийлура собиралась сделать с купленными рабами.

Он быстро опустил глаза и уставился на собственные кандалы, словно там, на побуревшем от ржавчины железе, были записаны волшебные слова спасительной молитвы.

...Потом их втолкнули в сарай и заперли снаружи дверь. Элеана ударилась в слезы, кэльчу принялся усердно молиться. А Лан-Ар просто уселся на пол и стал ждать.

«Не нужно было убегать из Храма», – в который раз подумал он, – «даже если бы меня казнили, чем это было бы хуже того, что со мной сделают сегодня до заката?»

Мысли текли неторопливо и лениво. В душе воцарилась теплая, уютная темень; и в ней не было места сомнению или страху – ведь все уже давно было решено богами. Возможно, кто-нибудь из бывших приятелей Лан-Ара и спросил бы удивленно:

– Как так? Ты стоишь на пороге смерти, и не молишься, и даже не боишься?

Но – ийлур был в этом уверен – страх можно испытывать тогда, когда думаешь о том, *что может с тобой случиться*. Когда *это* уже происходит, остается пустота, и ты покорно следуешь своей судьбе, уже не имея сил свернуть в сторону и изменить грядущее. В душе остается лишь тоска о несбывшемся, о восходах солнца, запутавшегося в жемчужных прядях облаков, и о хрусте сочного яблока на зубах, и о густом запахе свежескошенной травы...

Лан-Ар вдруг поежился. И подумал о том, что ждет его за последней чертой.

«Никто из нас не может представить, что его больше не будет. Не будет не только тела, оно быстро сгниет и обратится в землю, но не будет и мыслей. Не останется *ничего*».

Вот это уже было по-настоящему страшно. И он, как утопающий за соломинку, ухватился за мысль о том, что все ийлуры после мерти попадают в царство Фэнтара. Конечно! Иначе и быть не могло – зачем еще тогда нужны хранители Границы, следящие за тем, чтобы не смешались два мира – живых и ушедших...

– Прости меня, – пробормотал ийлур, судорожно стискивая руки на груди, – Отец мой, пусть будет правдой то, что говорят о смерти. Пусть останется хотя бы что-нибудь, малая толика меня, и пусть все это не будет пустой болтовней наших Посвященных...

Фэнтар молчал.

Элеана тихо всхлипывала в углу.

Кэльчу безмолвно молился своему хитроумному божку.

И снаружи тяжело гроыхнул засов.

...Стражи из храма Шейниры выволокли их навстречу закатному солнцу и неотвратимо приближающейся гибели. Лан-Ар, шурясь после темного сарая, поискал глазами *темнцу*... Она уже была у алтаря. В длинном черном одеянии, с распущенными по плечам волосами – в редких розовых лучах заходящего солнца они обрели цвет спелой рябины. На груди поблескивал серебряный медальон, изображение третьего глаза Шейниры, который так похож на соеди-

ненные в центре три лепестка лилии. Говаривали, что богиня синхов являла свое тайное око далеко не всем, и те, кто его видел, обладали особенной властью, умением читать истину в сердцах...

«Наверное, эта женщина – избранная Шейнирой», – подумалось Лан-Ару, – «и могущество ее велико... Но к чему матери синхов осыпать дарами дочь света?»

И тут же мелькнула мысль, что, наверное, близость смерти смутила его рассудок – ибо настал час последней молитвы Фэнтару.

– Отец моего народа... – шепнул ийлур, – склони свой слух к моим жалким словам...

Стражи схватили элеану и молча поволокли ее к алтарю. Она заверещала, словно попавший в ловушку мелкий зверек, затрепыхалась в крепких руках ийлуров. Веревки, стянувшие крылья, затрещали, но выдержали; девушку ловко швырнули на алтарь. Еще мгновение – жертвенный нож в руках темной опустился вниз, рассекая горло жертвы.

...точно также был убит посвященный Ин-Шатур.

– И возьми мою душу к себе, в царство твое...

Лан-Ар, словно зачарованный, не сводил глаз с темной жрицы. И, наверное, только он заметил, как дрожала рука, сжимающая обсидиановую рукоять кинжала, и как ийлура – перед тем, как оборвать жизнь девушки – на миг зажмурилась. Словно ей самой было страшно.

Тело элеаны столкнули вбок, и оно медленно сползло на известняковую макушку холма.

– Ибо ты есть начало и конец, рождение и смерть... – Лан-Ар уже не слышал собственных слов.

Взмах ножом – и кэльчу, хрипя, валится рядом с замершей уже элеаной.

...Время остановилось.

Лан-Ар, чувствуя спиной холодный камень, смотрел в лицо темной ийлур. Она прокусила губу, и по подбородку текла тоненькая струйка крови. Левая щека ее нервно дергалась – при этом казалось, что ийлура весело подмигивает своей жертве.

– Мать Синхов, прими эту светлую душу, – выдохнула она, занося кинжал.

– И все мы приходим в Эртинойс и возвращаемся к тому, кто создал нас... – он произнес последние слова молитвы Светлому богу ийлуров, отцу-покровителю, который так часто предпочитал не слышать собственных детей.

Лан-Ар закрыл глаза. Пусть будет так. Из темноты – к свету, туда, где его ждут тепло, и радость, и покой.

...Ничего не произошло.

Он моргнул при виде застывшей с ножом в руке темной жрицы, попробовал шевельнуть руками – но нет, его продолжали держать стражи.

Ийлура, чьи щеки стали вдруг белыми как мел, резко рванула ворот рубахи Лан-Ара. Вернее, и рубахи-то уже не было – так, лохмотья одни. А потом молитвенно сложила руки.

– Благодарю тебя, Претемная Мать. Ты указала мне на этого ийлура, и со мной по-прежнему твое благословение... Уберите его.

Лан-Ар едва понимал, что лежит на теплом известняке в двух шагах от алтаря. Живой, хотя по-прежнему в кандалах.

Жрица кивнула одному из стражей.

– Мать должна получить обещанную жертву.

Страж храма, очень спокойно и обстоятельно, будто выполняя самое обычное задание, улегся на алтарь. Ийлура подняла нож, на миг зажмурилась, и...

– Нет... Зачем?!!

Лан-Ар зашелся в кашле, давясь собственным воплем.

Сам. Лег под нож.

Да что же они делают со своими стражами там, в темном храме?!!

Он лежал и тупо смотрел на черный провал под запрокинутым подбородком храмового стража, смотрел, как частые капли крови стекают на малахитовую глыбу, и... в то мгновение ненавидел себя. Хотя и сам не смог бы объяснить, за что.

Жрица Шейниры аккуратно вытерла жертвенный нож и бросила тряпицу на тела жертв. Лан-Ару померещилось, что она пошатывается, но потом все закружилось перед глазами – и узорчатая мозаика листвы на синем небе, и коричневые, нагретые солнцем стволы, и черные одежды убийцы... Он чувствовал, что тонет – как тогда, в далеком детстве, и ничего не мог с собой поделать.

– Мы возвращаемся в Альдохьен, – донеслось откуда-то издалека.

Больше ийлур ничего не слышал.

* * *

...Он снова тонул. Все повторялось с завидной точностью, словно талантливый переписчик делал копии старой книги: под ногами – трухлявые доски заброшенного мостка, сквозь которые просвечивает мутная, в пятнах ярко-зеленой ряски водица. И старший брат, уже перебежавший на другую сторону пруда.

– Чего копаешься? Давай, быстрее! – кричит он.

Лан-Ар, хватаясь за скользкие перильца, делает первый осторожный шаг. На темных досках местами красуется сизая плесень, та самая, что тусклыми огоньками светится в темноте. Многие думают, что это болотные огоньки, души утопленников – но Лан-Ар прекрасно понимает, что все это сказки. Плесень светится, и нет никаких неупокоенных...

– Ну! Шевелись, не то опоздаем!

Второй шаг. Третий. В щели между темными досками глядит зеленая вода, вся в лиших ряски. Перила слишком скользкие, за них не ухватишься, если что...

– Побери тебя Шейнира, Лан-Ар!

«В самом деле, чего я боюсь?»

Он, отпустив перила, бросается вперед, к ожидающему брату. А затем – хруст, громкий треск, и над головой смыкается холодная зеленоватая муть, сквозь которую виден размытый белый круг. Солнце.

– Лан-Ар!!! – доносится откуда-то издалека, и он уже не уверен, что это голос брата. Может быть, голос Фэнтара, явившегося спасти тонущего мальчишку?

Легкие разрываются от боли, перед глазами темнеет – и Лан-Ар, судорожно барахтаясь, выныривает на поверхность, чтобы схватить крошечный глоток воздуха – и вновь погрузиться в холодную, воняющую гнилью воду.

– Руки, держи его руки, – командует брат. Или не брат? Голос не похож... Но кто еще может быть рядом с лесным прудом?

Легкие, бронхи словно забиты раскаленными углями. Это невыносимо больно, но прежнее боль – страх, все тот же мерзкий, животный страх перед распахнувшимся небытием.

«А вдруг от меня ничего не останется?..»

И уже не выдержав, Лан-Ар кричит, вопит от ужаса близкой смерти, и вопль устремляется к мутному кругу солнца, вместе с блестящими пузырьками воздуха.

– ... Итого, премилостивая госпожа, с вас пятьдесят гиней.

– Пятьдесят? Побойся Покровителей, несчастный. Ты всех постояльцев так бесстыдно обкрадываешь?

Лан-Ар с трудом разлепил веки. Ему все казалось, что он плавает в холодной воде, и она струйками стекает по щекам, впитываясь в волосы.

– Извольте, госпожа, прочтите сами. Урон, который был нанесен моей уважаемой гостинице вашими... гхм... молитвенными изысканиями... Разбитая кровать только чего стоит, да еще высаженное окно...

– Дай-ка сюда.

Лан-Ар устался в беленый потолок. Он лежал на чем-то мокром, и по лицу по-прежнему стекали крупные капли. Попробовал шевельнуться – не получилось. Только голову смог повернуть на звуки голосов.

Рыжеволосая ийлура, *темная жрица*, внимательно изучала предоставленный счет за постой. В изящном платье из темно-синего бархата с белоснежным воротничком под горло она очень походила на довольную жизнью горожанку... Если бы не силуэт в черных доспехах, маячащий за ее спиной.

Дородный и белоголовый кэльчу, хозяин уважаемой гостиницы, топтался у порога и – как быстро сообразил ийлура – за спиной отчаянно чертил в воздухе оберегающие знаки.

– Хм. – сказала ийлура, возвращая счет, – а где ты, мошенник, увидел испорченный комод? Мне кажется, он как стоял, так и стоит.

Кэльчу грациозным скоком вмиг покрыл расстояние от порога до указанного предмета мебели и ткнул пальцем в деревянный бок.

– Царапина, госпожа. Знаете, этот комод – очень ценный. Достался мне от матери, а я уж его в лучший номер поставил...

Ийлура пожала плечами.

– Будь по-твоему. В конце концов, я не последний раз приезжаю в Альдохьен, а твоя гостиница далеко не самая плохая в этом засиженном мухами и клопами городишке.

Она кивнула храмовому стражу, тот отстегнул от пояса кошель и бросил его кэльчу.

– Но здесь...

– Гораздо больше, – холодно закончила ийлура, накручивая на пальчик локон, – Храм Шейниры достаточно богат, да будет тебе известно... Но не в этом дело. Я плачу тебе еще и за то, чтобы – если меня будут разыскивать – *я никогда не останавливалась у тебя*. Понятно?

Кэльчу заметно побледнел. Он откровенно не любил подобные истории, когда *от кого-то что-то надо скрыть*. Все это дурно, по его разумению, пахло и частенько – мертвечиной. Несколько мгновений он судорожно обдумывал благовидный предлог чтобы отказаться от просьбы *темной ийлуры*, затем хрипло скороговоркой выпалил:

– Но, госпожа, могут ведь спросить и у других. А вы здесь жили, не скрываясь.

– Ты просто делай то, что я тебе говорю, – сказала ийлура. Теперь она стояла спиной к Лан-Ару, и тот разглядывал замысловатое плетение кос на ее затылке. – будь уверен в том, что если спросят кого-нибудь с улицы, то внезапно окажется, что ни одна смертная душа не видела здесь темной ийлуры и двух стражей из Храма Шейниры.

Она помолчала и добавила:

– Природа смертных такова, что они предпочитают не знать и не видеть ничего лишнего.

– Тогда приятной вам поездки, госпожа, – кэльчу низко склонил голову, отчего заскрежетали костяные пластинки на шее, – буду рад видеть вас снова.

– Будь спокоен, еще увидишь, – ийлура нетерпеливо махнула рукой, – а теперь, пошел прочь. У меня много дел, чтобы с тобой болтать.

Хозяин гостиницы съехался, разом став меньше, и выскользнул было за дверь – но на пороге столкнулся с другим кэльчу, помоложе. Заминка продлилась несколько мгновений, затем вновь прибывший коротко поклонился выходящему.

– Здравия, господин Хекраш-та.

– А, господин ювелир, и вы тут! – кэльчу выдавил из себя кислую улыбку. В тот миг на лице его было написано нечто вроде – ага, хитрюга, пришел из госпожи деньги трусить? А ведь

эту кругленькую сумму, что ты унесешь с собой, она могла оставить и мне за придуманную царапину на двери!

– Что поделаешь, дела торговые, – ухмыльнулся ювелир, демонстрируя ряд мелких острых зубов. Костяные пластины приятного каштанового цвета воинственно встопорщились, и хозяин гостиницы предпочел ретироваться окончательно.

– Принес? – не оборачиваясь спросила темная. Стоя у окна, ийлура что-то внимательно разглядывала на улице.

Кэльчу тихо, на цыпочках, скользнул в комнату, по пути бросил подозрительный взгляд на Лан-Ара и снова осклабился.

– Принес-принес, высокая госпожа. Все, как вы заказывали. Все сделал, несколько ночей с учениками трудились.

– Ты не останешься в убытке, – заверила его ийлура, – давай его сюда.

Они стояли спиной к Лан-Ару, и потому он не видел, что же такого отдал кэльчу темной жрице.

– Хорошая работа, – только и сказала она, – я люблю, чтобы все было красивым... Даже это. Сколько, говоришь, я тебе должна?

Кэльчу назвал баснословную цену, но ийлура не стала возражать. Вручила ювелиру тяжелый мешочек и, самолично проведя его к двери, напоявила:

– Смотри, держи язык за зубами. Не то знаешь меня – достану и из шейнирова царства.

– Да, высокая госпожа... Позвольте ручку вашу...

И он несколько раз, поглядывая снизу вверх на ийлуру, подобострастно приложился к перетянному черной лентой запястью.

– Ну, ну, довольно. Пошел отсюда, пока я не сочла тебя достойной жертвой для Темной матери.

Этих слов оказалось достаточно, чтобы господин ювелир мгновенно испарился.

А жрица, словно почувствовав на себе взгляд Лан-Ара, обернулась к нему.

– Меня зовут Нитар-Лисс.

Целый смерч мыслей закружился в голове ийлура в ответ на эти простые слова. Он был жив, не погиб на жертвенном алтаре – по какой-то причине *его пощадили*, перерезав горло ни в чем не повинному храмовому стражу. Он был сперва без чувств, а затем болен – и его не бросили, а принесли в гостиницу и выходили. Лан-Ар вдруг представил, что эта удивительно красивая и страшная женщина просиживала над ним ночами, и ее руки – белые, совершенной формы, прикасались к его телу...

– Похоже, у тебя снова жар, – спокойно заметила она, – я-то думала, уже все позади.

– Н-нет... – он едва расслышал собственный шепот, – мне... уже лучше.

– Значит, сегодня же выезжаем, – тем же тоном сказала Нитар-Лисс, – нам предстоит долгий путь.

– Нам?!!

– Нам, – она одарила его прохладной улыбкой, – только сперва ты ответишь мне на один простой вопрос. Откуда у тебя этот рисунок?

Лан-Ар недоуменно посмотрел на нее. Нитар-Лисс нетерпеливо хрустнула пальцами, прошлась по комнате, шелестя платьем по полу.

– Не притворяйся. Татуировка у тебя на груди. Я видела нечто подобное раньше, но только однажды.

...– зачем это, хозяин?

– Терпи. Если будешь орать, заткну тебе рот.

Посвященный Ин-Шатур старательно переносил рисунок с глиняной таблички, найденной в Черных Песках, на кожу своего раба.

– И вообще, не твоего ума дело, – хмуро добавил ийлуур, – если кому в Храме скажешь, убью.

Лан-Ар молчал. Только сжимал зубы и глотал набегающие вдруг слезы, когда боль становилась особенно едкой.

– А позже мы с тобой отправимся к Сумеречному хребту, – сказал Ин-Шатур. От напряженной работы он раскраснелся, как свекла, но в голубых глазах светилось торжество победителя, – после того, как я найду ключ к вратам.

– Я не понимаю, хозяин.

– А тебе и не нужно понимать.

Посвященный, закончив работу, схватил глиняную табличку и разбил ее о стену.

Лан-Ар вдруг ощутил себя круглым дураком. Побери их Шейнира – и хозяина, и эту ийлуру... Выходит, все это время с ним играли, затягивая в опасное плетение чужих интриг.

– Мне ее сделал хозяин, – выдал он, не глядя в черные глазищи Нитар-Лисс.

– А! Посвященный Ин-Шатур?

С каждой минутой разговор становился все интереснее. Жрица из темного Храма, оказывается, хорошо знала посвященного из храма Фэнтара?

– Я знала его, – подтвердила Нитар-Лисс так и не высказанное предположение Лан-Ара, – более того, именно с ним я должна была отправиться в путешествие. Но Ин-Шатур не явился в назначенное место, из чего я прихожу к выводу, что с ним что-то случилось. А потом я еще и встречаю раба Ин-Шатура, сбежавшего из Храма... Спасибо Претемной Матери, указала на тебя...

Она замолчала и пристально посмотрела на распростертого на койке и все еще привязанного ийлура. Посмотрела так, что у Лан-Ара мороз побежал по коже; ибо в черных глазах темной он увидел отражение подземелий Храма Шейниры – и жертвы, жертвы... *Принимая эту кровь, даруй нам Силу, Мать Всех Синхов.*

– Его убили, – хрипло прошептал Лан-Ар, – Посвященный Ин-Шатур мертв.

А сам вдруг вспомнил аккуратный, точный разрез на горле хозяина, и то, что сделала эта ийлура с молодой элеаной и кэльчу.

«Не твоих ли рук это дело?» – мелькнула мысль.

Лан-Ар тут же задавил ее, словно только взошедший росток. Не приведи Покровитель, эта женщина умеет читать мысли. Тогда малейшее подозрение – и все. Не миновать жертвенного ножа.

Нитар-Лисс помолчала. Кажется, она даже немного растерялась от такой новости – или сделала вид. Во взгляде на крошечную долю мгновения скользнули и страх, и сомнение, и растерянность... И в тот краткий миг ийлура стала похожа на маленькую перепуганную девочку, которую было нужно защищать, и оградить от всех опасностей Эртинойса...

«Что она со мной делает?» – Лан-Ар обреченно прикрыл глаза.

Нитар-Лисс была опасной. Более того – она была темной, предавшей своего отца-покровителя. Но Лан-Ару так и хотелось взять ее за руку, пообещать, что все как-нибудь наладится, и что ради нее он, раб Храма, готов идти хоть на край мира.

«Обереги меня от теней Шейниры», – с замиранием сердца подумал ийлуур, взывая к своему богу. Фэнтар промолчал, предоставляя ему возможность решать самому.

...Нитар-Лисс быстро взяла себя в руки.

– А кто мог желать его гибели? – спокойно поинтересовалась она, – ты, часом, не знаешь? Может быть, что-то взяли из его вещей?

– Не знаю, – Лан-Ар не мог отвести взгляда от ее отягощенных перстнями пальцев, – я увидел тело посвященного, испугался и убежал. Но убийца что-то искал в келье, все было вверх дном.

На правой руке темной жрицы сиял новенький серебряный браслет, и Лан-Ар подумал, что, наверное, именно его принес ей эльчу. Украшение было необычным – плотно облегал запястье и плетением кружева вперемешку с блестящими чешуйками спускалось до самых пальцев, прикрывая тыльную сторону ладони.

Ийлура, поймав его взгляд, коснулась украшения.

– Красиво, а? Надеюсь, оно стоит того золота, что я отдала хитрецу-ювелиру. Ну, а что до твоего бегства... Пожалуй, ты правильно поступил. Тот, кто разделался с Ин-Шатуром, мог вернуться и за тобой.

И тут – Лан-Ара словно сама Шейнира в бок толкнула.

– Госпожа... Я могу спросить?

Тонкая, с капризным изломом бровь приподнялась. И, расценив молчание темной жрицы как согласие, Лан-Ар задал вопрос:

– Мой хозяин говорил о том, что ему нужно найти ключ к вратам. Это... связано с изображением, которое он сделал на моем теле?

– Странно, что хозяин вообще говорил тебе об этом, – буркнула Нитар-Лисс и покачала головой.

А Лан-Ар подумал, что темно-синий цвет чудо как идет к ее белой коже и огненно-красным волосам.

– На твоём теле – карта, – сказала она, – а у меня есть ключ к вратам. Вот почему мы должны были идти вместе, я и посвященный Ин-Шатур. Теперь его не стало, значит, со мной отправишься ты. И больше пока ни о чем не спрашивай, клянусь ее претемным величеством, я боюсь спугнуть удачу.

* * *

...Они покинули Альдохьен тихими вечерними сумерками. До этого, невзирая на вялое сопротивление Лан-Ара, Нитар-Лисс распорядилась устроить ему горячую ванну («от тебя смердит, как от больного щера»), отправила мальчишку за одеждой («терпеть не могу оборванцев»), а последнего своего стража – за приличным, по ее словам, оружием («нам предстоит долгое и опасное путешествие»). И пока Лан-Ар прятался от нее в деревянной бадье с мыльной водой, Нитар-Лисс преспокойно расхаживала взад-вперед по комнате, заложив руки за спину и о чем-то напряженно размышляя.

– Удивительно, что я не успела принести тебя в жертву, – наконец проговорила она и уставилась на Лан-Ара. Тот едва успел нырнуть в чистую рубаху, и снова ощутил, как приливает кровь к щекам. Ему опять стало стыдно – но уже оттого, что краснел, как мальчишка, когда на него просто смотрит женщина.

«Прекрасная, как посланница Фэнтара... Тьфу. Ийлура, обратившаяся к Шейнире. Хуже не придумаешь».

Он торопливо, стараясь не смотреть на жрицу, нырнул в штаны.

– Каким он был, твой хозяин? – вдруг спросила ийлура. – я встречалась с ним всего пару раз, и мало о чем говорила. Но, судя по всему, он был не лишен некоторого величия... Смертный, задумавший *такое*, просто не может быть ничтожеством.

Вопрос застал Лан-Ара врасплох. *Смертный, задумавший такое...* Что же было на уме у Посвященного? Теперь только Богам известно.

Ийлура натянул кожаную безрукавку, застегнул тяжелый пояс с ножнами.

– Посвященный Ин-Шатур... – начал Лан-Ар и запнулся. Вот ведь странно – прожил столько лет бок о бок с хозяином, а теперь даже и сказать толком ничего не может.

– Мне известно его имя, – ядовито обронила ийлура, – не заставляй меня думать, что я оставила жизнь слабоумному. Расскажи о своем хозяине. Чем он любил заниматься?

– Он изучал архивы, – Лан-Ар брякнул первое, что в голову пришло. Хотя он был недалеко от истины: хозяин на самом деле все свободное время проводил за чтением старых, покрытых вековой пылью фолиантов. Что-то он искал там, а когда нашел – потащил Лан-Ара в Черные пески...

– Многие великие черпают знания из глубины веков, – Нитар-Лисс согласно кивнула, – этому я не могу не верить. Иначе откуда бы он узнал о...

Ийлура прикусила язык, оборвав себя на полуслове. Затем, одарив Лан-Ара улыбкой невинного младенца, поинтересовалась:

– Ну, а признайся, девиц он к себе водил?

«Посвященный не станет водить к себе продажных девок», – чуть было не возмутился Лан-Ар. Но тут же вспомнил о дешевом браслетике, зажатом в мертвой руке Ин-Шатура. Хорошо ли он знал своего хозяина?..

– Я не видел ни одной, – осторожно сказал ийлур.

– Значит, Посвященный ушел к Фэнтару с незапятнанной честью, – усмехнулась Нитар-Лисс, – тем лучше, тем лучше...

«А если это и правда *она* убила? Ведь, обладая ключом, она могла пожелать и карту, чтобы не зависеть от Ин-Шатура...»

Лан-Ар осторожно глянул на ийлуру и невольно отшатнулся: Нитар-Лисс решительно шла к нему с мечом в руках.

– Это тебе. Путь предстоит долгий, и коль скоро я лишилась одного стража, тебе придется меня защищать. Умеешь клинок в руках держать?

Лан-Ар с некоторым облегчением принял оружие, несколько раз взмахнул мечом, примеряясь... Нитар-Лисс с интересом наблюдала за ним; в ее черных глазах розовой искрой отражалось закатное солнце.

– Я вижу, рабов неплохо обучают, – наконец произнесла она.

– Рабами становятся послушники, которым не отвечает Пресветлый.

– А, вот как! Я этого не знала.

Снова растерянность в глазах, промелькнула и исчезла, как тень от летящего ястреба. Нитар-Лисс потрогала новый браслет, словно хотела почесать руку под серебряным плетением, но забыла, что теперь к коже не прикоснешься.

– Так, значит, ты хотел стать жрецом, да не получилось? Фэнтар отвернулся от тебя, и остался глух к твоим молитвам?

Лан-Ар вбросил меч в ножны. Его все еще пошатывало от слабости, нет-нет, да кружилась голова – и немудрено, после того, как он несколько дней провалился в горячке.

– Я никогда не хотел быть жрецом, – ответил ийлур, – я хотел стать путешественником. Но мои родители решили иначе...

– Можешь не продолжать, – Нитар-Лисс махнула рукой, – мне известная эта история. Видишь ли, Лан-Ар, перед тобой несостоявшаяся жрица Пресветлого.

...Позже, когда позади остались западные ворота Альдохьена, и щеры мерной рысью устремились к лесу, у Лан-Ара появилась возможность хотя бы попробовать разобраться с собственными мыслями.

Он старательно, так, как учили когда-то в Храме, раскладывал по полочкам известное и неизвестное, пытаясь таким образом угадать, что ждет дальше, за поворотом. Хозяин, зарезанный неведомо кем – а может быть, даже ийлуруй, едущей чуть впереди; карта неизвестно чего, вьедшаяся в кожу Лан-Ара до конца жизни; *нечто*, за которым пустилась в путешествие Нитар-Лисс, обладательница *ключа*.

«Знать бы еще, как этот ключ выглядит! Да и от какой двери этот ключ?..»

Лан-Ар вздохнул. Слишком много неизвестных. Как говорил старый учитель, в такой ситуации *может быть сколь угодно много предположений*. Спросить бы у Нитар-Лисс, но...

Лан-Ар не смел. И каждый раз, ловя на себе пристальный взгляд угольно-черных глаз, он робел и смущался, безуспешно пытаясь унять заходящееся в дикой пляске сердце.

Ничего подобного Лан-Ар не испытывал ни разу в жизни. И все пытался себя убедить – это происходит потому, что Нитар-Лисс темная жрица, отвернувшаяся от Фэнтара и присягнувшая на верность Шейнире.

Она, в конце концов, просто опасна для любого доброго ийлура, почитающего Фэнтара. И ее утонченная красота – приманка для светлых душ, которые пожирает Шейнира в своем подземном царстве...

«Я должен сбежать», – вдруг решил Лан-Ар, – «На первом же привале. Ведь теперь я свободен, и в руках оружие... Не пропаду».

Нитар-Лисс, ехавшая впереди, натянула поводья; дождалась, пока Лан-Ар поравняется с ней – теперь ийлур мог созерцать ее совершенный, словно выточенный из мрамора профиль.

– Я совсем забыла тебе сказать, Лан-Ар, – прошелестела она, – даже не пытайся меня обмануть и удрать. Я все равно тебя найду, но когда найду – все будет по-другому. Я сдеру кожу с твоей груди, и таким образом заполучу карту.

И мягко, почти нежно улыбнулась, глядя в разливающуюся по лесу ночь.

Лан-Ар промолчал.

Но, глядя на нее, снова вдруг подумал о том, что прикосновение к ее белой коже будет подобно глотку прохладной ключевой воды.

Глава 4

По ту сторону

Граница всегда рядом. В любой точке Эртинойса, стоит только протянуть руку – и коснешься ее, тонкой, как стенка мыльного пузыря, и такой же радужной. В кулуарах ордена Хранителей любят говорить, что Граница всегда ходит за тобой по пятам. Точно также, как ходит сама смерть – ибо Граница – это то невесомое, но почти непреодолимое для простых жителей Эртинойса, что разделяет мир живых и мир теней.

Разумеется, все рано или поздно попадают в мир ушедших. Верховные жрецы полагают, что, пробыв *по ту сторону* положенное время, смертные неизменно обретают покой у тронов своих отцов-покровителей.

Склонные к философскому анализу еретики считают, что после смерти душа раздваивается, и верхнее, «эфирное» ее тело уносится к покровителю, а нижнее, более плотное, остается по ту сторону Границы. Ортодоксы преследуют еретиков, сажают их на кол или сжигают на костре; не лучший, но довольно действенный способ отстоять свой взгляд на мироустройство. Оставшиеся в живых еретики злословят в адрес ортодоксов и на тайных собраниях проповедуют Истину. А те простые смертные, кому проповедуют и первые, и вторые, уверены в том, что, испустив дух, они пойдут по длинной и извилистой тропе, которая в конце концов приведет их к Отцу-Покровителю... И все они – и ортодоксы, и еретики, и разумные обитатели Эртинойса, несомненно, правы. Ибо того, что же происходит на самом деле после жизни, не знает никто. И никому еще не удалось разговорить тень по ту сторону Границы. Мертвые слишком ревностно оберегают свои тайны.

Единственное, что удалось сделать одному смертному – это, пребывая в особом состоянии, шагнуть через Границу и вернуться оттуда живым. Он повидал много и, хотя и не разгадал тайн мироздания, кое-что все же натворил – своим путешествием нарушил шаткое равновесие между миром живых и мертвых. А потому по возвращении основал орден Хранителей Границы, адепты которого взвалили на себя бремя – охранять хрупкий переход между двумя мирами.

* * *

Эристо-Вет успела обернуться.

Темная ийлура стояла у порога. На пол одна за другой звонко шлепались темные капли жертвенной крови. В широко распахнутых черных глазах плясал, переливался странный красноватый отблеск. А по тесной комнате стремительно катилась волна, сотканная из пепла.

Она миновала проломленную во время схватки кровать, захлестнула тварь – и та осыпалась на пол горстью невесомого праха.

Покрывало Шейниры на мгновение задержалось, будто переваривая только что сожранное живое существо, а затем алчно метнулось в сторону Эристо-Вет.

... Ийлура понимала, что шансов у нее почти не было.

Страшно, когда остается только надежда; и даже не на свои собственные силы – но на бездушное и бестелесное нечто, на невидимую дверь, которая может открыться – а может и оттолкнуть незваную гостью. Эристо-Вет судорожно сглотнула, не сводя взгляда с нависшей над ней волной смерти.

«Ну, где же ты...»

Как там учил метхе Альбрус? Сосредоточься, ищи, и увидишь.

Она в отчаянии закрыла глаза; страх уже царапал по позвоночнику, хотелось завопить и проснуться, и увидеть над собой простой белый потолок гостиницы...

«Где же ты...»

В лицо дохнуло тленом. Не нужно было смотреть, чтобы понять: лучшее оружие синхов близко.

Ищи, и увидишь.

Эристо-Вет с силой зажмурилась. Вот оно, последнее мгновение, когда еще можно что-то изменить; а тонкая, радужная пленка мыльным пузырем маячила где-то на краю сознания, и оставалось только дотянуться до нее...

Ийлура подалась всем телом к невидимой Границе; окно, не выдержав удара, взорвалось тысячу стеклянных брызг. Перед глазами мелькнул дом из серого камня, что был напротив гостиницы, Дар-Теен, перебегающий улицу...

«Жив!» – успела подумать ийлура – «Хвала Фэнтару, жив!»

...Радужная пленка стремительно приближалась, увеличиваясь в размерах. Эристо-Вет даже показалось, что Граница причмокивает, как сладкоежка при виде пирожка. А в следующее мгновение ийлура плечом врезалась в этот водораздел живого и мертвого; граница спружинила, словно в недоумении, а потом разошлась. Словно кто-то раздернул шторы навстречу лунному свету.

Шедший по другую сторону улицы элеан только и успел, что удивленно моргнуть при виде вываливающейся из окна гостиницы синеволосяй женщины. Правда, до мостовой она так и не долетела, с легким хлопком исчезнув прямо в воздухе. Элеан покачал головой, сотворил оберегающий знак Сумеречного бога и поспешил дальше.

Эристо-Вет упала, неудачно, ударившись плечом о мостовую. Кое-как поднялась, ругаясь и шипя от боли, на всякий случай выдернула меч из ножен – но уже через несколько минут вложила его обратно.

Она прошла через Границу.

...*По ту сторону* не существовало времени. Сколько ни приходилось Эристо-Вет пересекать Границу, каждый раз она видела одно и то же: темное небо с жиденькими перышками облаков, застывшие точки звезд и полную луну совершенно неправильного для нее зеленого цвета. Отражая живой Эртинойс, этот странный мир хранил в себе безмолвные саркофаги городов и усыпальницы поселков, провалы озер и реки, полные стоячей воды. Лес, увязший в лучах странной луны, нашептывал о посмертном покое, и немые птицы в густых ветвях застыли навеки, таращась на блуждающие тени.

– Побери меня Шейнира, – выругалась Эристо-Вет, потирая ушибленное плечо.

Не то, чтобы она была непривычной к боли, но *эта* оказалась чересчур обидной и тянущей, слезы так и брызнули. Хорошо бы кость осталась целой...

Скрипя зубами, ийлура тщательно обследовала пострадавшее место и немного успокоилась: она просто неудачно упала и стукнулась о мостовую. А по ту сторону любая ранка, даже порезанный палец, болит сильнее.

Эристо-Вет покрутила головой: она стояла на булыжной мостовой, под выбитым окном альдохьенской гостиницы. Да и улица была самая что ни на есть альдохьенская: те же дома, глядящие в ночь пустыми глазницами окон, редкие деревья, застывшие в безветрии.

«И ни одной тени вокруг», – мрачно подумала ийлура, – «словно тут никто и не умирал!»

На самом дне рассудка закопошился червячок тревоги. Нет, конечно же *по ту сторону Границы* никогда не было оживленным местом, но все же – тени умерших предпочитали оставаться там, где покинули Эртинойс. А здесь получалось, что в Альдохьене все жили вечно.

«Не верю», – Эристо-Вет, колеблясь, стояла посреди улицы и озиралась.

Ну хоть бы одна тень, чтобы развеять опасения! Самая маленькая, заваливающая тень пьяницы, или нищего... Пустые дома Альдохьена безмолвно взирали на нее, стекла светились мутной зеленью, отражая свет луны.

– Ну и пропадите вы все пропадом, – сердито буркнула ийлура, в основном, чтобы разбить гнетущую тишину.

Решив не обращать внимания на странную пустоту этого места, она пошла вперед; раз уж перешла через Границу, следовало вернуться как можно скорее, пока окончательно не закрылся тоннель. Ну, а лучше всего следовало бы это сделать подальше от гостиницы – темная жрица, с легкостью вздымающая Покрывало Шейниры, все еще стояла перед глазами, и, положив руку на сердце, Эристо-Вет вовсе не горела желанием встретиться с этой рыжей опять.

«Вернусь у колодца», – размышляла она, нарочито громко топая по мостовой, – «Там она меня искать не будет, это точно. У нее своих забот хватит – в конце концов, хотя бы выяснить, откуда взялась тварь».

И правда, откуда?

Кажется, она не принадлежала *темной*. Следовательно – кто-то очень хотел избавиться от нее, и этот кто-то владел искусством перехода через Границу. Иначе как еще объяснить появление зверя ниоткуда?

Эристо-Вет хмыкнула. Догадки, догадки... Любопытнейшая история сплелась в Альдохьене, у метхе точно великолепное чутье на подобные вещи. И вдруг сердце екнуло. Ийлура даже шаг замедлила – ну а как тварь послали за самой Эристо-Вет? Или все же *темная* поняла, что за ней ведется слежка, и решила избавиться от «хвоста»?

«В этой истории замешан кто-то еще», – она снова ускорила шаг, – «кроме меня, рыжей, метхе Альбруса и неизвестного из храма Фэнтара, которому принадлежал дневник... Но цели, поberi их Шейнира, каковы цели?!»

Ийлура тряхнула головой. Мысли, словно козье стадо без пастуха, разбредались в разные стороны, догадки мелькали одна за другой, и на очередном «а что, если?..» Эристо-Вет решила остановиться. Нет, сейчас она не ответит ни на один из своих вопросов. И наверняка метхе Альбрус тоже не ответит – не потому, что не знает, а, скорее, просто предпочтет сохранить при себе кое-какие секреты.

...Колодец был уже близко. Его округлые бока мягко светились гниlostной зеленью. Ведро, оставленное на крышке, тоже поблескивало в лунном свете – словно покрытое изморосью.

«Только этого не хватало!»

Эристо-Вет присела на корточки, коснулась гладкой спинки булыжника и выругалась, помянув Шейниру и всех ее тварей. Самый обычный камень словно вспотел; мелкие бисерины дурно пахнущей зелени сплошь покрывали и его, и соседние камни, и всю улицу до самого колодца.

– Молодец, Эристо-Вет. Вляпалась. – буркнула она.

А затем развернулась и пошла обратно, намереваясь свернуть в первый же «сухой» переулок.

...Все дело, как любил говорить метхе Альбрус, в том, что *приграничье* подвержено флюктуациям. Дальше он всегда цитировал один из любимых учебников, написанных отцом-основателем ордена: *флюктуации случайны, и никто не может предсказать, в каком месте будет повреждена приграничная область*. На вопрос Эристо-Вет: а чем же так страшны эти самые... как их там... флюктуации? – старый синх спокойно ответил:

– В поврежденной области невозможен обратный переход. И еще – попавший в поврежденную область может навсегда остаться там. Флюктуации дурно влияют на разум, запомни это.

«Вляпалась, вляпалась!» – Эристо-Вет уже бежала по улице, обратно к гостинице. А зеленая изморось, словно почуяв добычу, торопилась следом. Слизью потели дома, оконные стекла, земля... Даже сама луна, казалось, сочится гнойной зеленью.

Ийлура обернулась – и припустила во весь дух. Пусть, побори ее Шейнира, она вывалится обратно в комнату темной жрицы, пусть ее попытаются схватить – все это сущий пустяк... Она метнулась к знакомому зданию, но тут же отшатнулась и, свернув в проулок, рванула дальше. Вывеска «Добро пожаловать» сверкала изумрудными бисеринами.

Эристо-Вет бежала, не оглядываясь. Носок башмака запачкался в светящейся слизи, и это значило – столь любимая Альбрусом *флюктуация* следовала по пятам и дышала гнилью в затылок. Впереди замаячили северные ворота Альдохьена; ийлура устремила к ним, как будто там, в лесу, ее ждало спасение.

«Быстрее, быстрее!»

Бултыхающаяся в груди ледышка страха сбивала дыхание; ей, повидавшей многое ийлура, хотелось закричать – и проснуться. Чтобы обнаружить себя в мягкой постели и желательно не одной, чтобы шепотом рассказать другу страшный сон...

Она все-таки обернулась.

То, что осталось за спиной, и то, что было отражением живого Альдохьена в зеркале потустороннего мира, расплылось, вздулось единым светящимся пузырем. Не осталось ни домов, ни оград – все сливалось, закручивалось спиралью, в центре которой – как померещилось Эристо-Вет – чернел провал. Точка пустоты, из которой на мертвый мир взирало голодное, пожирающее все на своем пути ничто.

– Шейнирово царство! – ийлура, с трудом переставляя ноги, заставила себя сдвинуться с места.

Шаг. Еще шаг. Прочь от мерзкого, зеленоватого света; прочь из этого постылого мира, где даже вода имеет вкус пепла...

Мостовая на несколько локтей впереди нее покрылась испариной. Воздух загустел, стал похож на холодный кисель, и каждый вдох давался все тяжелее. На глаза навернулись слезы. Провались все к Шейнире, неужели она так и завязнет в этом гниющем волдыре?!!

Отчаяние придало сил.

С хрипом выдохнув прогорклый воздух, Эристо-Вет рванулась к воротам; ударила всем весом в деревянную створку. Хруст ломаемых гнилых досок – и она кубарем летит в крошечную тьму.

Потом была злая, до искр перед глазами, боль в виске. Чья-то сильная рука подхватила ее под локоть и потащила. Все вперед и вперед, дальше от Альдохьена – который перестал существовать, обратившись в сияющий зеленью нарыв на теле приграничья.

* * *

... – Флюктуации, – ийлура пожал плечами, – я заметил, что все ушли отсюда. Тени боятся этого, хотя вреда нам никакого.

Эристо-Вет, потирая висок, со все возрастающим изумлением рассматривала столь неожиданного собеседника – и еще более неожиданного спасителя. Ведь это он волок ее, почти лишившуюся сознания, до ближайшего холма, куда не докатилась гибельная изморось, усадил под дерево и даже sprysнул лицо водой из ее же фляги.

Ийлура был не то, чтобы молод, но еще и не стар; длинные светлые косы и голубые глаза выдавали в нем северянина, одежда – служителя Фэнтару, а странная неподвижность и чрезмерная правильность черт – принадлежность к легиону теней.

То есть спасший ее ийлура не был живым.

И это, провалились все к Шейнире, было странно – не-живой ийлур рассуждает о флюктуациях, как будто слушал лекции метхе Альбруса.

«Из ученых», – вдруг подумала Эристо-Вет, – «наверняка высокой степени посвящения... Иначе – откуда бы ему знать?»

– Скоро все закончится, и вы сможете вернуться, – спокойно добавил он, с тоской глядя на зеленую луну.

Эристо-Вет не нашлась, что ответить, и с преувеличенным вниманием уставилась на то, что осталось от города.

Некоторое время они сидели молча и наблюдали, как медленно плывет, размазывается по ночному воздуху ядовито-зеленая спираль флюктуации. Потом Эристо-Вет, осмелев, вдохнула поглубже и спросила:

– А вы, что вы здесь делали? Почему не ушли со всеми? Я, разумеется, бесконечно благодарна за то, что вы мне помогли, но все же...

По губам ийлура скользнула слабая, беспомощная улыбка.

– Я не мог не прийти сюда, потому что должен передать в мир живых послание, – сказал он, – не откажете?

Эристо-Вет только вздохнула. Слишком много событий за один день: сперва ее чуть не съели, затем – дышащее в затылок изменение пограничья, и вот теперь – пожалуйста, будьте добры получить задание от мертвого ийлура.

– Мм... – беспомощно промычала она. Хитрец, почти не оставил ей выбора! Как можно отказать тому, кто спас тебе жизнь? Ведь задержись она у ворот, еще не известно, чем закончилось бы бегство от зеленой испарины...

– Это несложно, – ийлур испуганно посмотрел на нее, – *для вас* – несложно. Мы ведь, здесь сидя, много чего видим. И я, да простит меня Пресветлый, очень рад, что повстречал именно вас.

Эристо-Вет выдавила из себя улыбку, по-прежнему не зная, что делать. Сказать «да» значило добровольно взвалить на себя еще одно задание, сказать «нет» – кто знает, на что способны тени?

Ийлур усмехнулся, потер ладони друг о дружку.

– Хорошо, я прекрасно понимаю ваши колебания, уважаемая Эристо-Вет...

«Да он, поberi его Шейнира, даже имя мое знает!» – вконец расстроилась ийлура.

– ... Тогда я сперва расскажу, что и кому вам необходимо передать.

Он указал в сторону города. Ядовито-зеленое сияние сделалось бледнее, словно разбавленное вечной тьмой этого места. Рукава спирали гасли, оседая на землю тускло мерцающей росой, и кое-где сквозь клочья гниlostного тумана просвечивали городские стены.

– Альдохьен возвращается на свое место. Могу я сопроводить вас? – спросил ийлур.

Эристо-Вет обреченно кивнула.

...Поминутно оскальзываясь в мокрой траве, они спустились с холма. Дальше начинала дорога, в живом Эртинойсе изрытая сотнями ног и щеровых лап, а здесь – идеально ровная, как зеркало. Только с каждым шагом в воздух поднималась едкая серая пыль, скрипела на зубах и оставляла во рту привкус затхлой воды. А зловещий нарыв флюктуации продолжал таять: сияние погасло, и теперь только городские стены да черный провал северных ворот с покосившейся створкой мерцали зеленой росой.

– В Альдохьене живет одна ийлура, – начал бывший служитель Пресветлого и глубоко-мысленно замолчал.

Эристо-Вет, ради приличия выдержав паузу, осторожно заметила:

– В Альдохьене живет далеко не одна ийлура. Которая вам нужна, почтенный?

– А, вы легко ее найдете, – и опять беспомощная улыбка, которая казалась совсем неуместной на довольно приятном и строгом лице тени, – у нее красивые волосы густого

рыжего цвета. Такие, что когда в них играет солнце, то цветом они похожи на рябину. Вы ведь знаете, что такое рябина?

– Знаю, – буркнула Эристо-Вет. Кажется, она видела в Альдохьене рыжую особу – но до последнего хотелось верить, что ийлур говорит *не о ней*.

– Она приехала в Альдохьен в сопровождении двух стражей из Храма Шейниры, – каждое слово тени падало камнем, – вы наверняка уже сталкивались с ней...

«Еще как», – подумала Эристо-Вет. А вслух как можно более безмятежно обронила:

– Предположим, что так оно и есть. Что вам-то от нее нужно? Судя по вашей одежде, вы имели по меньшей мере ранг Посвященного. Темная ийлура – и ревностный служитель Фэнтара? Звучит более, чем странно.

Посвященный вздохнул. Некоторое время уныло смотрел на стынувший зеленую Альдохьен, а затем промолвил:

– От нее мне уже ничего не нужно. Но с ней – мой бывший раб. Передайте ему мои слова, молю именем Фэнатара... Передайте... – тут его колени словно подломились, он бухнулся в пыль перед Эристо-Вет и словно клещами вцепился ей в запястье. – Скажите ему... Чтобы не ходил с ней туда. Лабиринт Сумерек не для него... Он слишком... Слишком еще молод, и слишком наивен. Он хороший, добрый малый, а сумерки ломают именно таких, понимаете?

Утратив дар речи, ийлура молча пыталась вырваться из железной хватки Посвященного.

– Да что... что вы себе... позволяете?!!

Невольно попятившись, Эристо-Вет все-таки отвоевала свободу.

– Нет, нет! – ийлур, как был, так и остался на коленях в дорожной пыли, – не бойтесь меня! Я не сделаю вам ничего плохого, поверьте! Но вы должны, понимаете? Должны предупредить Лан-Ара, потому что этот их поход может кончиться весьма плачевно... Для всех. Я много, очень много размышлял над этим, перед тем, как отказаться!

«Чокнутая тень», – Эристо-Вет мрачно взирала на него. – «Только этого мне и не хватало на сегодня».

Она подумала, что можно взяться за меч и попробовать пригрозить безумцу оружием, но затем решила, что *этого* клинком уже не напугаешь.

Похоже, ей оставалось только одно – пообещать, что просьба будет исполнена. В конце концов, она сможет передать слова Посвященного ийлуру по имени Лан-Ар, буде тот встретится на ее пути. А нет – так нет. Если когда-нибудь еще доведется столкнуться с этой явно повредившейся в уме тенью, всегда можно будет сослаться на то, что рыжая была в Альдохьене одна, и никакого Лан-Ара поблизости не оказалось...

– Провались все к Шейнире, – буркнула она. И, уже обращаясь к застывшему на коленях ийлуру, сказала:

– Мм... Поднимитесь, уважаемый. Я выполню вашу просьбу.

– Правда?!!

Посвященный резво вскочил на ноги, бросился было к ней, но вдруг застыл, как вкопанный. Лик странной луны отразился в его задумчивых глазах.

– Ну вот... Теперь я, пожалуй, вспомнил... Я сам должен был идти с ней, но – *передумал*. А теперь я здесь, и ничего не могу изменить. Остановите ее, пока не поздно! Остановите Лан-Ара, он еще слишком... – несколько мгновений посвященный молчал, подбирая нужное слово, – слишком невинный для этого испытания, понимаете?

– Понимаю, – Эристо-Вет решила не спорить с тенью, чье помешательство уже не оставляло сомнений, – я передам ваши слова Лан-Ару. Обязательно.

Но ийлур ее просто не замечал. Он стоял посреди дороги, раскинув руки в стороны, смотрел на повисшую в темном небе луну и бормотал нечто совершенно несуразное. Эристо-Вет только и смогла разобрать:

– Передумал... не должен был... она опасна, опасна... и я ей верил...

– Посвященный, – Эристо-Вет осторожно прикоснулась к его плечу, – Посвященный...

Тот по-прежнему не обращал на нее внимания. Ветер, принесший с собой запах болотной тины, захлопал длинными полами его коричневой рясы, делая широкие рукава похожими на крылья диковинной птицы.

– Я передумал, – тихо сказал ийлур, обращаясь к зеленой луне, – может быть, потому я здесь? Но никто не должен входить туда, это святотатство...

Эристо-Вет молча обошла посвященного и побрела к Альдохьену. На душе было нехорошо; предчувствие чего-то очень плохого засело в груди, неприятно щекоча тонкими лапками и царапая под грудиной – так, что по спине побежали мурашки.

«Не его ли дневник принес тогда темной жрице послушник?» – подумала ийлура, – «а теперь этот ийлур мертв, скорее всего, убит».

У ворот Альдохьена она оглянулась. Посвященный Фэнтара по-прежнему стоял на дороге и смотрел ей вслед.

* * *

...Дар-Теена она нашла там же, где оставила перед вылазкой в комнату темной жрицы. Он сидел за столом в трапезной, медленно цедил пиво из кружки внушительных размеров и мрачно смотрел в окно.

– Ты не поверишь, – Эристо-Вет плюхнулась на лавку напротив.

Ийлур внимательно оглядел ее, хмыкнул и сделал большой глоток.

– Отчего же? Поверю. Тебя не было семь дней с того момента, как ты отправилась обыскивать рыжую красотку.

Говорил он очень спокойно, будто не произошло ничего из ряда вон выходящего. Но в глазах, ярких голубых глазах северянина, металась тревога.

– Я пытался их задержать, – добавил он, – сколько мог. Потом пришлось уйти с дороги... Что с тобой приключилось, Эристо-Вет? Хвала богам, ты вернулась, живая и здоровая... И, клянусь всеми Покровителями, я верил в то, что все так и будет, но...

– Все по порядку, – Эристо-Вет с благодарностью пожала его руку, сделала большой глоток из кружки. Оказалось, Дар-Теен пил воду. – где она сейчас, *темная*?

Ийлур пожал плечами.

– Пока тебя не было, она успела купить трех рабов, двоих принесла в жертву Шейнире, а третьего оставила себе. Потом еще некоторое время жила в гостинице, а затем уехала. Мне кажется, что куда-то на запад, через Дикие земли. Возможно, что в свой Храм. Так что нам придется поторопиться, чтобы ее догнать и чтобы метхе Альбрус не разочаровался в своей ученице.

Эристо-Вет хмуро взглянула на Дар-Теена.

– Метхе Альбрус подождет.

– Неужели? – он приподнял брови, – наверное, с тобой приключилось нечто занятное, раз ты говоришь такое.

«Даже слишком занятное».

Ийлура кисло улыбнулась.

– Ты не знаешь, как зовут того раба? Ну, что уехал с темной?

Дар-Теен задумчиво почесал бороду.

– Кажется, Лан-Ар... а что?

– В том-то и дело, – буркнула ийлура, – посвященный-то оказался не настолько умалишенным, как того бы хотелось...

– Посвященный?!!

Эристо-Вет вздохнула.

– Мне не нравится то, что здесь творится, Дар-Теен. Более того, мне еще меньше нравится, что в *этом* принимает участие метхе Альбрус. Но у меня есть кое-какие мысли... как ты смотришь на то, чтобы отправиться в паломничество?

– Никогда об этом не думал, – Дар-Теен озадаченно покрутил на столе кружку, – но если ты считаешь, что нам... ээ... нужно духовно очиститься, то я готов.

– Боюсь, что *эта* поездка нас только перепачкает, – заметила Эристо-Вет.

... Они проговорили до полуночи. Эристо-Вет рассказала обо всем, что с ней приключилось, начиная с появления монстра в комнате Нитар-Лисс и заканчивая просьбой посвященного. Дар-Теен внимательно слушал, прихлебывая густое красное вино из высокого бокала – не то, что подают в альдохьенских заведениях, а дорогое вино из погребов Ордена Хранителей. Он ни разу не прервал ее повествования, только молча кивал и постукивал ногтями по округлому боку фляги.

– Ты что-нибудь слышал про Лабиринт Сумерек? – наконец спросила Эристо-Вет, – если правда то, о чем бормотал несчастный посвященный, наша *темная* и раб направляются именно туда.

Дар-Теен пожал плечами.

– Нет. И, думается мне, мало кто слышал – за исключением тех, кто его ищет. Жаль, что тень не пожелала рассказать больше.

– Метхе Альбрус наверняка знает, что это за место, – Эристо-Вет нахмурилась, – но он не скажет. Потому что сам хочет туда попасть. Похоже, мой учитель желает, чтобы я таскала ему каштаны из огня. А в этом огне уже погиб один ийлур, и только Покровителям ведомо, сколько еще смертных отправится к своим богам.

Дар-Теен усмехнулся.

– Полагаю, у тебя уже есть план?

– Угу, – Эристо-Вет невесело посмотрела на него, – есть. Надеюсь, что сработает. Вот, послушай...

Глава 5

Удачное начало путешествия

Нитар-Лисс расположилась у костра на ковре, что поспешно развернул страж Храма. Ийлура полулежала на боку, опершись на локоть, и читала маленькую книжицу в переплете из коричневой кожи.

Отблески огня румянили ее белые щеки, россыпью мелких рубинов ложились на корону из кос и будили сказочный блеск драгоценных украшений, коими, к слову, служительница Претемной Матери Синхов не пренебрегала.

Со своего места Лан-Ару было удобно наблюдать за ней; она читала, совсем по-детски шевеля губами, словно хотела каждое записанное слово повторить вслух и заучить. Время от времени ийлура хмурилась, постукивая ногтями по серебряному кружеву браслета или теребя черную повязку на другом запястье, иногда чуть заметно улыбалась – и в эти редкие мгновения казалась не жрицей Шейниры, а милой девчонкой из Алхаима. Впрочем, наверняка Нитар-Лисс и была рождена именно там, а может быть даже южнее – ведь среди северян не найти ни одного темноглазого ийлура.

– Ты о чем-то хочешь спросить? – вдруг раздраженно спросила она.

Ийлур смешался, но взгляд темной жрицы выдержал.

– Нет.

– Чего тогда уставился? – она зло тряхнула книжицей, – проклятье, не хватает листов. Твой благочестивый не в меру хозяин их вырвал, прежде чем передать мне дневник. Он что, думал меня этим остановить?!!

Тут же сообразив, что сболтнула лишнее, Нитар-Лисс умолкла. Торопливо улыбнулась Лан-Ару, но улыбка получилась фальшивой.

«А ведь и правда, она *могла* его убить», – подумал ийлур и опустил глаза.

Над их маленьким лагерем повисло неловкое молчание.

– Или *кто-то* вырвал эти листки, – вдруг задумчиво проговорила Нитар-Лисс, – тот, кто убил Ин-Шатура... Но тогда...

Она резко поднялась, прошла по кромке дрожащего круга света, хрустя пальцами.

– Но тогда отчего убийца не забрал с собой дневник?

Остановившись рядом с Лан-Аром, ийлура замерла, глядя в ночь и прислушиваясь к вкрадчивому шепоту деревьев.

– А ты что думаешь, а, Лан-Ар?

Ийлур осторожно взглянул на нее снизу вверх. Перед тем, как выезжать из Альдохьена, Нитар-Лисс облачилась в «одевание, более подходящее для езды на щерах» – то есть в облегчающие штаны, высокие сапоги и свободную блузу. Ни дать, ни взять – самая обычная ийлура, каких сотни разъезжают по Эртинойсу. Посвященный Ин-Шатур, правда, отзывался о таких женщинах плохо, да и Настоятель твердил, что дело женщины – сидеть дома, но Лан-Ару все же казалось, что это хорошо – вырваться на свободу и ехать туда, куда велит сердце...

– Посвященный никогда не делился со мной планами, – ответил ийлур, – я даже никогда не видел этого дневника, госпожа...

Нитар-Лисс раздраженно передернула плечами.

– Тьфу, толку с тебя...

И развернулась на каблуках, собираясь уходить.

А Лан-Ару вдруг захотелось, чтобы жрица Шейниры просто села рядом.

– Ты ничего не слышишь?.. Ничего странного? – вдруг спросила она. И, не дожидаясь ответа, кивнула стражу Храма, – ты, Аль-Кер, будь наготове. Разрази меня Фэнтар, если за нашими головами не идет охоты! И ведь, паршивцы, всего-то два дня пути от Альдохьена...

Они ехали по Диким землям, с каждым часом все глубже вдаваясь в сочную мякоть южного леса. Осень, нарядившая золотом север Эртинойсы, по воле богов отступила перед жарким дыханием Ямы-озера и обжигающими вихрями Черных песков; здесь дни казались длиннее, а ночи были душными и очень темными. «И каждый вечер наполняет бокал дня мраком шейнирова царства», как сказал один гостивший в Храме бард-путешественник. Верно сказал, если вспомнить об истинных хозяевах Диких земель: ведь синхи по воле Темной Матери появились именно в этих исходящих душными испарениями лесах. Здесь они строили свои города, здесь возвели Темный Храм – и отсюда ушли искать лучшей доли, когда Шейнира отвернулась от своего народа. Говорили, что тогда Темная богиня была изгнана из Эртинойсы, но кем и как – этого Лан-Ар не знал, а Посвященный Ин-Шатур только ядовито отшучивался, говоря, что рабу достаточно знать расположение кухни и щерни.

Синхов, к слову, они встретили только единожды, в ночи пути от Альдохьена.

Наверное, эти синхи хорошо знали Нитар-Лисс – подошли, почтительно поклонились, сверкая желтыми глазищами в тени капюшонов. Разговаривали они на языке детей Шейниры, так что Лан-Ар не понял ни словечка. Но после этой встречи ийлура до самого утра пребывала в дурном настроении, и на первом же алтаре Шейниры принесла жертву, спрыснув малахитовую призму собственной кровью. Потом ийлура долго молчала и как ребенка прижимала к груди пораненную руку, свободной управляя щером. Вид у нее при этом был совсем больной, так что Лан-Ар даже начал опасаться, что она не удержится в седле. Ему хотелось спросить, что такого передали ей синхи, но – не смел. Попробовал разговорить стража Темного Храма – безрезультатно. Ийлур стеклянными глазами пялился на узкую дорогу и уделял Лан-Ару внимания столько же, сколько могла удостоиться невесомая мошка. Так и ехали, забирая все южнее и южнее.

... – Кто нас может преследовать?

Нитар-Лисс усмехнулась.

– Я вот думаю, Лан-Ар, ты нарочно задаешь дурацкие вопросы, чтобы поддержать беседу? Представь себе, у меня немало врагов. К тому же, за нами может идти тот, кто отправил Ин-Шатура в царство Фэнтара. Пораскинь, в конце концов, мозгами – если таковые у тебя есть. А, да что там...

И она с размаху плюхнулась рядом на траву. Так близко, что Лан-Ар ощутил тепло ее тела и слабый аромат благовоний.

– Нам предстоит долгий путь, – медленно, глядя прямо в глаза промолвила ийлура, – я хочу знать, с кем иду. Откуда ты взялся в Храме, Лан-Ар? Что было до того, как на твоей шее запаяли ошейник?

От прикосновения горячей ладони он вздрогнул. Надо же, все время думал, что кожа Нитар-Лисс будет прохладной и гладкой наощупь, как фарфор – и ведь глупо было так думать. У живых не бывает холодной кожи, а Нитар-Лисс никак нельзя было назвать тенью.

И этими же руками она приносила жертвы Шейнире.

Ощущение было таким, как будто вместе с прикосновением узкой ладони на коже остался бурый отпечаток. Лан-Ар невольно отодвинулся, и тут же пожалел об этом – потому что лицо Нитар-Лисс вмиг окаменело.

– Да что ты знаешь об этом, – зло процедила она, – вы, все...

И торопливо поднялась.

– Завтра на рассвете двинемся дальше.

Потом она улеглась на свое место, укрылась шерстяным одеялом и больше не произнесла ни слова. Лан-Ар покосился на стража – тот по-прежнему сидел, не шевелясь, и стеклянными

глазами пялился на пылающие поленья. Тогда Лан-Ар откинулся на траву и закрыл глаза; усталость брала свое, и скоро он задремал. Правда, сон его не был крепким – ему все время казалось, что Нитар-Лисс беззвучно рыдает, уткнувшись лицом в одеяло.

«Наверное, не сладко быть темной ийлурой», – сонно подумал Лан-Ар и заснул – теперь уже по-настоящему.

Ему приснился странный и неприятный сон: как будто он лезет по крутому склону горы, оступаясь, хватаясь за ломкие корешки растущего повсюду кустарника. Вдруг что-то тяжелое повисло на ноге; Лан-Ар посмотрел вниз – и обомлел. В щиколотку мертвой хваткой вцепился старик-элеан, настолько древний, что даже крылья стали белыми. Лицо – не лицо, а застывшая коричневая маска, вся в глубоких черных бороздах-морщинах, и глаза не аметистовые, как у всех элеанов, а угольно-черные.

«Упаси Фэнтар от призраков Темного царства», – подумал Лан-Ар и попытался стряхнуть невесть откуда взявшегося старикашку; ведь ему во что бы то ни стало нужно было добраться до вершины.

Элеан оскалил давно сгнившие зубы и еще крепче ухватился за ногу, перебрался выше, к колену.

Лан-Ар, цепляясь за корни, изо всех сил дернул ногой, старик ударился о камень и при этом его тело захрустело так, словно раздавили саранчу. Но ноги не выпустил; хищно загнутые когти больно впились в кожу.

– Да что тебе надо? – в сердцах крикнул Лан-Ар, молотя кошмарное создание о камень, – проваливай туда, откуда явился!

И вдруг старик соскользнул. Просто разжал пальцы – и покатился вниз, уже больше напоминая поломанную куклу, чем живого элеана. Длинные седые волосы паклей цеплялись за колючие ветки, крылья комкались, словно бумага. Лан-Ар провожал его взглядом, пока не убедился, что старик остался лежать у подножья горы. А затем продолжил свой путь наверх, стараясь унять бешено колотящееся сердце...

До вершины оставалось совсем немного; Лан-Ар даже видел ее косматую макушку, уютную плющем, словно венком триумфа – но в какой-то миг просто понял, что ему нечем дышать.

* * *

– Тихо, не вздумай закричать! – прошипела на ухо Нитар-Лисс.

В темноте она казалась бледным призраком, глаза – два провала в шейнирово царство. Лан-Ар вдруг сообразил, что ее ладошка плотно зажимает ему рот, не давая вздохнуть, и что сама Нитар-Лисс лежит рядом на траве, прижимаясь к нему всем телом. Все это было совершенно немыслимо, так что Лан-Ар даже усомнился в том, что проснулся.

– Они близко, – мягкие пряди, выбившиеся из прически, касались его щеки, – лежи и не шевелись, понял? Пусть думают... что мы спим. А когда они нападут, то я буду готова...

В свободной руке Нитар-Лисс уже сжимала жертвенный нож, и блики лунного света скользили по чистому лезвию.

«Она сумасшедшая», – вдруг подумал Лан-Ар, глядя в широко распахнутые черные глаза, – «Шейнира отобрала у нее разум».

Получив, наконец, возможность вздохнуть, он первым делом нащупал рукоять меча. Он и сам не знал, для чего – то ли обороняться от неведомого противника, то ли...

Зарубить Нитар-Лисс и стать совершенно свободным ийлуром.

– О ком вы говорите, госпожа? Кто на нас может напасть?

– Ш-ш-ш... – Нитар-Лисс вдруг подмигнула, – скоро сам увидишь. Я их чувствую, и они уже здесь... Смотри. Там, за костром.

В ее голосе натянутой струной звенело ожидание. Ни тени страха; так встречает врага тот, кто уверен в собственном превосходстве.

Лан-Ар же, взглядевшись в залитую чернильными тенями ночь, пожалел о том, что не может обратиться легким дымом от костра и унести прочь, к темным макушкам деревьев... Ибо там, за дрожащим пятном света, появилось нечто, чуждое и застывшему под лунной южному лесу, и Диким землям – да и всему Эртинойсу.

Пока что расплывчатые, мутные силуэты, бесшумно крадущиеся в зарослях. Неясные блики в сочной мякоти плюща, одевшего старые деревья, раскинувшего всюду свои плети... И – страх. Темный, необъяснимый, липнущий к сознанию, словно паутина.

– Что это? – невольно прошептал ийлур, – кто это?!!

На холеном лице Нитар-Лисс появилось выражение азарта, как у заядлого картежника при виде колоды карт и собравшихся игроков. Она с силой сжала серебряный медальон с образом третьего глаза Шейниры, так похожий на соединенные вместе три лепестка лилии.

– *И создал Он стражей, дабы хранили,* – пробормотала ийлура. Затем взглянула Лан-Ару в глаза и усмехнулась, – мы на верном пути, мой друг.

Лан-Ар снова поглядел в ночь. Пальцы немели, сердце – маленький комочек плоти – жалко трепыхалось под ребрами. Руки налились мерзкой слабостью; и вот он уже лежит на траве, словно тюк шерсти, весь в ледяном поту – но, не отрываясь, смотрит...

Размытые в душной ночи силуэты обретали форму. Сперва тьма вылилась в покрытые густым мехом тела, затем луна высветила крылья – короткие, на которых не взлететь.

Твари передвигались на полусогнутых, опираясь о землю длинными руками, то и дело останавливаясь – тогда Лан-Ар видел, как нетерпеливо подрагивают усаженные шипами крылья и влажно блестят длинные клыки. А морды этих странных существ казались белыми, как будто лишенными серого покрова.

– Тебе придется стать между мной и ими, – зловеще шепнула Нитар-Лисс, – бери меч, *воин*. Самое время вспомнить, чему тебя учили в Храме!

И, нехорошо усмехнувшись, поднялась во весь рост.

– Как же Аль-Кер? – только и успел крикнуть ийлур.

Его хриплый от страха, шершавый голос был тем сигналом к атаке, которого ожидали пришлые твари. В тишине мертвой и душной хрустнула одна ветка, вторая... А через мгновение серые мохнатые туши посыпались отовсюду – из кустов, с деревьев, разве что не с неба.

– Делай то, что должен! – рявкнула Нитар-Лисс. Широкие рукава ее блузы крыльями метнулись в стороны, затем вверх, к присыпанному легкими облаками небу... – мне нужна жертва, болван!

«Жертва...» – Лан-Ар повторил это слово про себя. Она с такой легкостью отдавала Темной богине чужие жизни, как будто для нее прочие смертные были не более, чем куча опавших с дерева и успевших подгнить яблок.

«А меня она решила поберечь», – мелькнула горчащая мысль, – «поберечь для чего-то важного, и после я стану *мясом*, которое можно отдать Шейнире...»

– Дурак! – взвизгнула за спиной Нитар-Лисс, – чего застыл?

...Предсмертный крик Аль-Кера словно заставил Лан-Ара проснуться. Разворачиваясь, он поднимал меч; брала свое храмовая выучка. И чудовище, уже заносящее когтистую лапу для удара, с хрюканьем ткнулось мордой в траву. Хотя... Мордой ли? Ийлур стиснул зубы и встретил честной сталью еще одну тварь, и еще...

«Этого не может быть на самом деле», – в отличие от порхающего меча мысли ворочались вяло, словно тяжелые камни на дне ручья, – «Боги не могли сотворить *такого!*»

Вместо оскаленной звериной морды на мохнатые плечи были насажены самые обычные головы, и лица были почти самые обыкновенные – если не обращать внимания на торчащие изо рта загнутые клыки.

– Ко мне! – сиплый голос Нитар-Лисс был едва слышен, – иди ко мне, быстрее!

Лан-Ар оглянулся: ийлура стояла на клочке земли, свободном от тварей. Отчего-то не торопились чудовища нападать на *темную*, словно чуяли власть Шейниры в Эртинойсе.

Нитар-Лисс замерла, раскинув руки крестом; ее лицо с провалами глаз белым пятном светилось во мраке.

– Ну же!

Клинок с хрустом вошел под ребра ближайшей твари. Лан-Ар отпихнул серую тушу с дороги, крутнулся на месте, прочерчивая острием меча кровавую полосу по мохнатым телам, перескочил через дергающегося в конвульсиях врага. Голень словно огнем ожгло, и это было плохо, потому что любая рана в бою – лишний шанс противнику, а здесь... Очутившись рядом с Нитар-Лисс, он ловко отсек голову еще одному чудовищу.

– Ближе, – сквозь зубы процедила ийлура, – ближе, не то...

Лан-Ар поднырнул ей под руку и послушно стал сзади, спина к спине.

– Так?

– Да, так.

Несколько мгновений пришедшие из ночи твари топтались вокруг них, все еще не смея нападать на *темную*, а затем словно по команде ринулись вперед.

Лан-Ар поднял меч и вяло подумал, что им не уйти с этой поляны. Искраженные яростью, полубезумные лица были так близко, а Нитар-Лисс по-прежнему бездействовала. Чего она ожидала? Милости Матери Всех Синхов? Голень по-прежнему жгло, как будто в штанину насыпали горячих углей, и башмак начал резать распухающую лодыжку.

И в этот миг – когда надежда узорчатым дымом устремилась к небу – что-то изменилось.

Это случилось настолько быстро, что Лан-Ар даже не успел как следует рассмотреть происходящее: и странные твари, и лес, и небо, и любопытная луна – все подернулось дымкой, словно разом в воздух поднялось облако тончайшей серой пыли. А потом – мохнатые тела валились наземь, одно за другим, в страшном безмолвии, и, падая, тут же рассыпались прахом. На поляну пришла смерть... Вернее, она неподвижно стояла прижавшись спиной к Лан-Ару, и он даже сквозь одежду ощущал жар ее тела.

«Фэнтар, помилуй и спаси», – Лан-Ар зажмурился, – «так вот что значит *покрывало Шейниры!*»

– Благодарю тебя, Претемная Мать, – услышал он тихое бормотание Нитар-Лисс, – пусть кровь жертв никогда не высыхает на твоих ладонях, и да пребудет с нами твой Дар.

Ночь наполнилась шорохом, как будто во время листопада. Несколько мгновений – и все стихло.

...В молчании запалили два факела. Лан-Ар, преодолевая отвращение, все-таки осмотрел одну из убитых им тварей. Ничего подобного он никогда не видел и даже не читал: тело чудовища, принимая во внимание крылья и голову, могло принадлежать элеану. Только крылья были слишком короткими и сплошь усаженными шипами, руки – чересчур длинными, и нагое тело сплошь заросло серым мехом.

– Проклятье! Они загрызли наших щеров, – холодно констатировала Нитар-Лисс, стоя меж серых туш, – придется теперь все тащить на себе... Учитывая, что Аль-Кер отправился к Шейнире.

«Учитывая, что ты его убила», – передразнил ийлур.

Он перешагнул через аккуратную горку праха, которая совсем недавно была живым существом.

Ла-Ару было плохо: ногу жгло, дергающая боль поднималась все выше, к бедру, а темные силуэты деревьев угрожающе протягивали к ийлуру корявые руки.

– Ты оглох? – осведомилась ийлура, поднося факел к его лицу, – сколько можно тебя спрашивать?

– Э... прошу прощения, я не расслышал, – выдохнул Лан-Ар, – ногу задели в драке... Земля угрожающе качнулась.

«Да что со мной? И ведь крови-то почти нет, и кость цела», – он недоуменно заморгал, когда Нитар-Лисс молча поднырнула под руку и, обхватив за пояс, потащила к ближайшему дереву.

– А, вот в чем дело, – с задумчивой улыбкой протянула она, разрезав штанину, – шипы-то на крылышках ядовитые. Вот так.

* * *

Лан-Ар слабо помнил, что было после. Ему все казалось, что мохнатые твари с лицами знакомых послушников засовывают его ногу в приспособление, которым по слухам в давние времена пытали отвернувшихся от Фэнтара ийлугов. Штуковина эта по виду напоминала сапог, изнутри усаженный железными шипами, и хранилась в одном из подвалов Храма. Лан-Ар брыкался изо всех сил, но послушников было много, и они каждый раз побеждали – тогда он вопил во всю силу легких и именем Фэнтара молил отпустить его и больше не мучить. Послушники ухмылялись, почесывая мохнатые бока, и продолжали истязание; исколотая шипами нога распухла, и больше походила на бревно, чем на живую конечность. Временами навевалась Нитар-Лисс, в темно-синем платье с белоснежным воротником – как он увидел ее впервые на рынке. Ийлура со знанием дела тыкала пальцем в исстрадавшуюся ногу, качала головой и уходила с выражением недоумения на прекрасном лице.

А потом он проснулся. В липком вонючем поту, с пересохшим горлом, язык царапал по нёбу, как терка. Высоко над головой шушукались деревья, а рядом на траве, скрестив ноги, сидела жрица Шейниры. Растрепанная, с темными кругами под глазами – и с набухшими венами на руке, не скрытой браслетом.

Заметив, что Лан-Ар пришел в себя, Нитар-Лисс только скривилась.

– Надо было попросту содрать с тебя кожу, – заявила она, – тот кусок, где посвященный Ин-Шатур оставил копию карты.

– Что слу...

– Ты в самом деле хочешь знать, что случилось? – вкрадчивый голос Нитар-Лисс шелестел гадюкой по траве, – ты едва не отправился к своему обожаемому Фэнтару! Ты, ты... И это тогда, когда дорог каждый день!

Она вскочила на ноги, и вдруг сорвалась на визг, куда более подходящий базарной торговке нежели жрице.

– А я вместо того, чтобы попросту *взять* карту, трачу свою кровь! И для чего? Чтобы привести тебя в чувство! Очень ты мне нужен был, а?

Вдруг ийлура замолчала. Ее губы задрожали, еще немного – и заплачет. Но, быстро взяв себя в руки, она провела ладонью по волосам, нервно передернула плечами и, уже совершенно спокойно продолжила:

– Шейнира явила свою милость, позволив мне тебя исцелить. Так что... поднимайся. И двинемся дальше...

Лан-Ар, боясь сделать лишнее движение, осторожно сел. Отодвинул разрезанную штанину – нога была совершенно здоровой, осталась только россыпь маленьких шрамов. Мысли спутались в клубок. Наверное, он должен был сказать что-нибудь, но... Слова благодарности застряли в горле. Ничего не изменилось: он по-прежнему оставался пешкой в чужой игре, и был мясом, которое пока что берегут; для чего – неизвестно...

Нитар-Лисс поймала его взгляд и улыбнулась краешком губ.

– Если ты помнишь, мы остались без щеров, а путешествие только начинается, – голос ее был подобен сладкому яду, – тебя ждет тяжелый дорожный мешок.

Лан-Ар промолчал. Мешок так мешок, не слишком большая плата за то, что тебя спасли. Да и разве не привык он таскать тяжести, живя при Храме?

– А топать нам до Сумеречного Хребта, – зло обронила ийлура, – нет, мне совершенно не везет. Все против меня.

И раздавила гриб-поганку. А у Лан-Ара возникло странное чувство, что жрица ждет от него чего-то.

Он откашлялся, прочистил горло.

– Мы могли бы завернуть в Храм Шейниры, госпожа, и взять там новых щеров.

Нитар-Лисс поморщилась, как будто ей наступили на мозоль.

– Во-первых, прекрати меня величать госпожой. Иногда это раздражает... А во-вторых... – она помолчала, о чем-то задумавшись. Гладкий лоб вдруг собрался тонкими морщинками меж бровей, и обозначились горькие складочки у рта. – мне лучше не возвращаться в Храм. По крайней мере, не сейчас.

Лан-Ар тут же вспомнил, как Нитар-Лисс встретила синхов, и как долго после этого была не в себе. Значит, и у этой темной госпожи не все гладко, как может казаться?

Ийлура усмехнулась и, задумчиво растягивая слова, проговорила:

– В двух днях пути есть город синхов. Мы свернем туда и купим щеров... Надеюсь, ты их не слишком боишься?

– Кого? – не сообразил Лан-Ар.

– Синхов!

Ийлура пожал плечами.

– Они такие же смертные, как и мы. Почему я должен испытывать страх?

Нитар-Лисс подошла и, склонив голову к плечу, прошептала:

– Ты говоришь так потому, что совсем их не знаешь. Я, прожив с детьми Шейниры бок о бок два десятка лет, не стала бы утверждать, что их не боюсь.

Заходящее солнце запрыгало алыми искрами по ее волосам, и Лан-Ар снова подумал о том, что не видел ийлуры красивее.

* * *

До темноты они так и не двинулись с места – Нитар-Лисс перебирала вещи, чтобы не тащить с собой ничего лишнего. Позже, когда дымчатый цвет неба сменился глубоким синим, ийлура махнула рукой на сборы и приказала Лан-Ару разжечь костер. Стало ясно, что ночевать придется тут же, к вящему неудовольствию Лан-Ара: от убитых тварей их отделяли только пышная завеса плюща и каких-нибудь два десятка шагов.

– Ничего, – буркнула Нитар-Лисс, – одну ночь потерпишь. *Эти* больше не нападут.

Тут же, внезапно шмыгнув носом, она добавила:

– Провались все к Шейнире, щеров жалко.

И вернулась к своему занятию – попытке уместить в одном мешке содержимое трех, а Лан-Ар молча занялся костром.

Теперь, когда у него появилось время размышлять, он снова принялся выстраивать в ряд все, что с ним приключилось: убитый хозяин, темная ийлура, с которой он должен был куда-то идти, и теперь вот твари, коих не мог создать ни один из богов-покровителей Эртинойсы. В конце концов, если правдивы записи в священных книгах, каждый из небожителей сотворил только одну расу; встречались, правда, в Эртинойсе твари настолько кошмарные, что их причисляли к выходцам из шейнирова царства. Но ни одна из них – опять-таки, если верить написанному – не была похожа на тех, что напали на их маленький отряд прошлой ночью.

– ... Опасайся сумерек, – вдруг насмешливо сказала Нитар-Лисс.

Сидя рядом с уложенным мешком, она теребила свой медальон с образом третьего глаза Претемной и с интересом рассматривала Лан-Ара.

«Мысли она, что ли, читает?» – ийлур поежился.

В конце концов, это было нечестно; возвышало *темную* над ним так, что он сам себе казался букашкой на ее ладони. Прихлопнет или позволит жить дальше? Об этом мог знать только Дракон Стерегающий Время.

– Свет и Тьма не хранят в себе столько секретов, сколько можно раскопать в сумеречной мгле, – тихо продолжила ийлура. Голос вплетался в потрескивание горящих веток, – и секреты это темные, отравляющие наши сердца. Наверное, поэтому Ин-Шатур испугался...

В древесных кронах шелестела южная ночь, и сладко пахло отдыхающим от жаркого солнца лесом. Нитар-Лисс глубоко вздохнула, подтянула к груди колени, а подбородок положила на сцепленные пальцы.

– Существа, которые напали на нас прошлой ночью, пришли из сумерек, – уверенно изрекла она.

И, отпустив медальон, отвернулась. Только шея белела во тьме.

– Куда мы идем? – спросил Лан-Ар.

Нитар-Лисс пожала плечами, смирив его насмешливым взглядом.

– Не скажу. Довольствуйся тем, что просто идешь со мной.

Лан-Ар ощутил, как внутри медленно растет нечто едкое, раздражающее. Вспомнился некто из хозяйин, то, как они жили в Черных Песках, и то, как он подолгу копался в черной яме, изводя Лан-Ара своим вечным недовольством. Нитар-Лисс, похоже, была для Ин-Шатура вторым сапогом до пары; и, судя по ехидной улыбке, ей начинало нравиться злить Лан-Ара.

– Я могу убежать, – сказал он, – тогда тебе будет просто некуда идти.

Улыбка на губах ийлуры стала еще шире – и, как назло, еще красивее. В груди, там где сходятся ребра в грудную кость, сладко защекотало; ийлур вновь посмотрел на белую шею Нитар-Лисс, и опять – проклятие – ему показалось, что прикосновение к ее коже будет подобно глотку прохладной воды. Хотя... Конечно же, это было глупо. В те минуты, когда Лан-Ар спящей чувствовал ее тело, оно было горячим, даже слишком.

– Значит, тогда я признаю свою ошибку, – сладко отозвалась ийлура.

Это была маленькая, но победа. И Лан-Ар уже хотел сказать что-то вроде «отчего бы не сказать сразу?», когда Нитар-Лисс закончила:

– Надо было не выпрашивать у Шейниры жизнь для тебя, а просто содрать кожу с карты.

«Вот дрянь!» – он в сердцах плюнул в траву и отвернулся, чтобы не видеть ее. Лан-Ар и сам не знал, чего ему хочется больше – придушить Нитар-Лисс или поцеловать.

– Мне в самом деле интересно, что ты выберешь, – смиренно проворковала ийлура, – пожалуй, у тебя не слишком-то много опыта ни в том, ни в другом?

Лан-Ар с ужасом увидел, что она опять поглаживает медальон, будь он трижды проклят. Теперь сомнений не оставалось: Нитар-Лисс удавалось читать мысли. Душа заметалась, словно птичка в силках, а Лан-Ар, сгорая от стыда, подумал, что самое время вскочить – и бежать в лес, в темноту без оглядки – лишь бы подальше от этой... этой...

– Я бы предпочла второе, – Нитар-Лисс подмигнула и принялась укладываться спать.

Лан-Ар молча смотрел, как она улеглась на бок, укрылась одеялом и закрыла глаза. В свете костра бледное лицо казалось невинным, как у совсем юной, не познавшей первой любви девушки, но временами, когда под внезапным порывом ветра огонь прижимался к поленьям, ломанные тени превращали Нитар-Лисс в самую что ни на есть шейнирову тварь.

Он отвернулся. Наверное, правильным было бы вздремнуть перед долгой дорогой, но под грудиной что-то вертелось и ерзало, и в голову лезли мысли о посвященном, о том, что его могла убить Нитар-Лисс, о том, что ему, Лан-Ару, нравится смотреть на ее руки, пусть и погубившие не одну жизнь...

«Укажи мне правильный путь, о Пресветлый», – ийлур крепко зажмурился, до цветных пятен перед глазами.

Душа по-прежнему не находила покоя, металась в груди пойманной птицей, а Фэнтар предпочитал отмалчиваться.

* * *

...Лан-Ар вздрогнул и открыл глаза. По-прежнему стояла ночь, сквозь листву на землю стекал лунный свет. Было тихо; только догорающий костер едва слышно потрескивал, да одинокая лягушка заливалась трелью в траве.

Ийлур повертел головой, силясь понять, что его разбудило; ведь заснул крепко, а проснулся, словно от сильного толчка... И вдруг – крик.

Вопль, полный такого ужаса, что по коже побежали мурашки. Лан-Ар вскочил, бросился к Нитар-Лисс. Ийлур металась во сне, веки трепетали, как будто она пыталась проснуться, стряхнуть кошмарное видение – но не могла. Сжавшись в комок, она опять вскрикнула, тоскливо и безнадежно; руки метнулись к горлу, судорожно сжались, как будто Нитар-Лисс душил кто-то невидимый, а она из последних сил пыталась вырваться.

«Ну вот», – вдруг подумалось Лан-Ару, – «она совсем беспомощна. Ты можешь убить ее, а сам уйдешь, исчезнешь...»

Нитар-Лисс забилась в конвульсиях и захрипела.

«Да мне и убивать ее не придется», – он смотрел на ее синеющие губы, а перед глазами стоял алтарь Шейниры... Юная элеана, скатившаяся в траву. – «Кто-то сделает это за меня».

И вдруг наваждение спало: по позвоночнику словно провели холодным острием кинжала, костер пыхнул, разгорелся с новой силой...

«Да что же это я?!!»

Перед Лан-Аром мучительно умирала молодая ийлур, которая, между прочим, не дала ему отправиться к Фэнтару... А он до сих пор как дурак стоял на четвереньках и ничего не предпринимал.

Ийлур, не раздумывая более ни секунды, крепко тряхнул Нитар-Лисс за плечи; она не проснулась, только хрипела в его руках. Тогда Лан-Ар, принялся бить ее по щекам и успокоился только тогда, когда черные глаза раскрылись и злобно уставились на него.

– Мне показалось, что тебе было плохо, – растерянно сказал ийлур. Он торопливо уложил Нитар-Лисс на одеяло и отодвинулся.

Она глубоко вздохнула, с силой провела руками по лицу, словно стряхивая остатки кошмара и глухо сказала:

– Ты все сделал правильно. У него больше не будет власти надо мной.

– У кого?! – Лан-Ар тряхнул головой, пытаясь привести в порядок взбудораженные мысли, – у кого? Или ты сейчас же скажешь мне, куда и зачем мы идем, или...

Нитар-Лисс поморщилась, потеряла горло, а затем села. Обхватив руками колени, долго смотрела на Лан-Ара, затем скривилась.

– Хорошо. Я расскажу тебе... почти все. Чтобы ты был готов к тем испытаниям, что выпадут на нашу долю.

– Почти все? Но почему?

– Потому что всего я и сама не знаю, – огрызнулась Нитар-Лисс, – слушай внимательно... Только для начала я бы не отказалась от чашки горячего чая.

– Я тебе не слуга. Своего слугу ты отдала на растерзание тем тварям. – это было грубо. Отвратительно. Но что-то, сидящее глубоко внутри, гаденько хихикало и подзуживало «давай, давай, милый. Рабом был, рабом и останешься...»

В черных и блестящих, словно кусочки полированного агата, глазах ийлуры мелькнуло удивление. Она дотронулась до медальона, устало вздохнула и сказала:

– Глупо. Заваренный чай сделает тебя рабом не больше, чем меня – послушницей в Храме Фэнтара. Впрочем, я не собираюсь с тобой пререкаться...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.